Введение. Великий обман

А что, если человечество обмануто?

Не отдельные люди. Не одно поколение. Не какая-то страна или цивилизация.

Весь человеческий род.

Что, если мы живём в мире, который понимаем совершенно не так, как должны были бы его понимать?

Речь не о физическом мире. Земля, небо, моря, горы, человеческое тело — всё это реально.

Речь о другом. О той картине мира, которую мы принимаем за истину.

С самого детства мы узнаём, что такое добро и зло, любовь и ненависть, счастье и несчастье, успех и поражение. Мы учимся желать, выбирать, стремиться, оценивать себя и других.

Но задумывались ли мы, откуда взялись сами мерки, которыми всё это измеряем?

Что, если некоторые из них ложны?

Что, если то, что мы называем любовью, нередко оказывается её противоположностью? То, что считаем свободой, — рабством? То, чем гордимся как добром, — проявлением нашего самолюбия?

И что, если это не случайные ошибки отдельных людей, а последствия гораздо более глубокого обмана?

В Евангелии есть слова, над которыми стоит задуматься: Христос называет диавола отцом лжи и говорит о князе мира сего.

Но если ложь действительно способна проникать в человеческие представления о самом главном, возникает вопрос: насколько далеко она проникла?

Может ли человек прожить всю жизнь, искренне считая себя свободным, любящим и добрым, и так и не узнать, насколько ошибался?

А может ли целое человечество веками передавать из поколения в поколение представления, которые уводят его от собственного предназначения?

Но самое страшное даже не в этом.

Что, если цена такого заблуждения — вечность?

Человек может ошибиться в выборе профессии, потерять имущество, потратить годы на ложную цель. Пока он жив, многое ещё можно исправить.

Но что, если вся его жизнь прошла в заблуждении о самом главном?

Если он принимал временное за вечное, удовольствие — за счастье, самолюбие — за любовь, а собственную волю — за высшую меру добра?

Что останется у него, когда закончится земная жизнь?

Христианство говорит о предназначении, перед которым меркнут все земные приобретения: человек призван к вечному общению с Богом, к причастию Его благодати.

И предупреждает о возможности утратить это предназначение.

Попробуйте представить цену такой потери.

Не год. Не тысяча лет. Не миллиард.

Вечность.

И особенно страшно, если человек сам, свободно, день за днём выбирал то, что уводило его от Бога, даже не желая задуматься, куда ведёт избранный путь.

Но пока мы живы, этот выбор ещё не завершён.

Именно поэтому вопрос об обмане — не отвлечённая философская загадка.

Это вопрос о нашей жизни. О нашем предназначении. О том, что мы можем приобрести — и что можем потерять навсегда.

Эта книга предлагает исследовать именно такую возможность.

Не принимать её на веру. Не соглашаться заранее. А проверить.

И если окажется, что привычная картина мира действительно искажена, перед нами возникнет вопрос, от которого уже невозможно будет отмахнуться:

Кто мы на самом деле, кем должны были стать и почему живём совсем иначе?

Глава 1. Кто такой человек перед Богом?

Посмотрите на человека.

Он способен проникать в тайны природы, строить города, создавать удивительные машины, исследовать далёкие звёзды. Он научился видеть то, что недоступно человеческому глазу, слышать то, чего не различает ухо, и передавать свои мысли на другой конец земли.

Но знает ли он самого себя?

Мы можем многое рассказать о человеческом организме. Знаем, как работает сердце, как мозг обрабатывает информацию, как рождается и развивается тело. Мы умеем измерять способности человека, оценивать его достижения, сравнивать его с другими.

Но всё это ещё не отвечает на главный вопрос: кто такой человек перед Богом?

Ведь если смысл человеческого существования заключается только в земной жизни, тогда всё наше величие ограничено несколькими десятилетиями. Каких бы высот мы ни достигли, однажды придётся оставить всё, что мы приобрели.

А если человек создан для чего-то неизмеримо большего? Если его истинное предназначение настолько велико, что всё, чем мы привыкли измерять человеческий успех, не позволяет даже приблизительно оценить его достоинство?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам придётся обратиться к самому началу человеческой истории.

Образ Божий

В книге Бытия мы читаем удивительные слова: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему» (Быт. 1:26).

Попробуем вдуматься.

Бог, сотворивший небо и землю, весь видимый и невидимый мир, создаёт человека по Своему образу. Не просто ещё одно живое существо среди множества других. Не орудие, предназначенное для выполнения определённой работы. Не временного обитателя земли, существование которого исчерпывается рождением, размножением и смертью.

Человека, призванного к общению со своим Творцом.

Но что значит быть образом Божиим?

Разумеется, речь не идёт о внешнем сходстве. Бог не имеет телесного облика, который человек мог бы повторить. Речь о том, что человеческой природе дарованы свойства, благодаря которым человек способен сознательно обращаться к Богу, познавать Его, свободно отвечать на Его любовь.

Преподобный Иоанн Дамаскин связывает образ Божий с разумом и свободой, а подобие — с уподоблением Богу в добродетели.

Образ дан человеку при сотворении. Но подобие не является чем-то, чего человек достигает автоматически,

только потому, что родился человеком. Он призван возрастать в любви, чистоте, милосердии и святости.

Человек создан не только для того, чтобы существовать. Ему открыта возможность становиться причастником Божественной жизни. Святые отцы называют это обожением.

Человек не становится Богом по природе. Между Творцом и творением не исчезает различие. Человек не растворяется в Боге, теряя собственную личность. Но по благодати Божией он может соединяться с Богом, приобщаться Его жизни, возрастать в любви и святости.

Именно к этому, а не просто к благополучному земному существованию, призван человек.

Мы привыкли считать величием власть, богатство, славу, знания. Но всё это можно приобрести и потерять. А человеку от самого начала дано достоинство, которое невозможно измерить ни деньгами, ни положением в обществе.

Достоинство, которое нельзя отнять

Мы часто судим о человеке по тому, что он способен сделать. Один строит дома, другой лечит больных, третий руководит огромным предприятием. Мы восхищаемся сильными, талантливыми, успешными.

Но вот перед нами старик, который уже не может самостоятельно подняться с постели. Или тяжело больной человек, нуждающийся в постоянной помощи. Или младенец, который ещё ничего не умеет и полностью зависит от окружающих.

Становятся ли они менее ценными, чем здоровый и деятельный человек?

Если человеческое достоинство определяется пользой, которую человек приносит обществу, нам придётся ответить утвердительно. Но христианство открывает совершенно иной взгляд.

Достоинство человека не начинается с его достижений и не заканчивается с утратой сил. Оно коренится в том, что человек создан Богом по Его образу.

Поэтому младенец, беспомощный старик, тяжело больной и самый выдающийся учёный обладают одним и тем же основным человеческим достоинством. Различаются их способности, знания, обстоятельства жизни. Но не сама ценность человеческой личности перед Богом.

И даже грех не превращает человека в существо, утратившее всякое достоинство. Человек может совершить страшное зло. Он несёт ответственность за свой выбор. Однако даже согрешивший остаётся человеком, которого Бог призывает к покаянию.

Это не оправдание греха. Напротив, именно величие человеческого предназначения позволяет увидеть всю тяжесть его падения.

За самого падшего человека

Когда мы говорим о достоинстве человека, легко представить доброго, честного, благородного человека,

которого все любят и уважают. Но посмотрим на того, от кого окружающие давно отвернулись.

Вот человек, много лет страдающий от пьянства. Он потерял работу, разрушил отношения с близкими, не раз обещал исправиться и снова падал. Или человек, зависимый от наркотиков, которого уже почти никто не воспринимает иначе как источник бед и неприятностей.

Мы можем осуждать их поступки. Можем видеть, сколько страданий они причинили себе и другим. И обязаны защищать тех, кому они причиняют вред. Но имеем ли мы право считать, что сами эти люди уже ничего не стоят перед Богом?

Кто из нас может сказать, что его собственная жизнь драгоценнее для Господа, чем жизнь этого несчастного человека?

Ведь Христос пришёл не только ради тех, кто сумел сохранить себя от тяжёлых падений. Он пролил Свою Кровь и за того, кто сегодня лежит на улице, отвергнутый людьми. За того, кто снова не сумел преодолеть свою страсть. За того, кто уже почти потерял надежду на исправление.

Апостол Павел говорит: «Христос умер за нас, когда мы были ещё грешниками» (Рим. 5:8). Не тогда, когда мы стали достойными Его любви. Когда были грешниками.

Перед нами уже не просто пьяница, наркоман, преступник или человек, которого общество считает пропащим. Перед нами человек, за которого пострадал Христос.

Это не делает его грех добром. Не отменяет ответственности, не освобождает от необходимости покаяния и борьбы со страстями. Но заставляет различать грех и самого человека.

Можно осуждать преступление, защищать пострадавших, требовать справедливости — и при этом не объявлять преступника существом, недостойным Божией милости.

Кто оказался ближе к раю?

Вспомним Голгофу.

Три креста. На двух — осуждённые преступники. Между ними — распятый Христос.

Вокруг стоят люди. Кто-то пришёл посмотреть на казнь. Кто-то насмехается. Кто-то проходит мимо. Здесь же находятся те, кто любит Спасителя и не может оставить Его в последние часы земной жизни.

И вот один из распятых разбойников обращается ко Христу: «Помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» (Лк. 23:42).

Всего несколько слов.

У него уже нет времени исправить прожитую жизнь. Нет возможности возместить причинённое зло, совершить долгие подвиги, доказать людям, что он стал другим. Он даже не может сойти со своего креста.

Но он может сделать то, что ещё остаётся в его власти: признать свою вину, обратиться ко Христу и довериться Его милосердию.

И слышит ответ: «Истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23:43).

Человек, которого общество осудило на смерть, услышал от Самого Бога обещание рая.

Сколько людей стояло возле этих крестов? Сколько среди них было тех, кто никогда не совершал преступлений, за которые распяли разбойника? Сколько могли считать себя честнее, достойнее, праведнее его?

Мы не знаем, что происходило в их сердцах. Но Евангелие открывает нам то, что произошло в сердце осуждённого.

Именно этот человек, лишённый свободы, доброго имени и самой земной жизни, обратился ко Христу с покаянием и получил обещание, которое невозможно купить ни богатством, ни заслугами, ни общественным положением.

Церковное предание называет благоразумного разбойника первым вошедшим в рай. Какое удивительное свидетельство Божия милосердия!

Не земной царь. Не знаменитый мудрец. Не человек, прославленный своими добродетелями. Разбойник.

Мы смотрим на человека и видим его прошлое. Его грехи, падения, пороки. Иногда нам кажется, что мы уже знаем ему цену. Но Бог видит и то, чего мы не видим: человеческое сердце, способное обратиться к Нему даже в последние мгновения жизни.

Это не означает, что можно откладывать покаяние до смертного часа. Разбойник не знал, что получит такую

возможность. И никто из нас не знает, будет ли способен обратиться к Богу перед смертью.

Но его история свидетельствует о другом: пока человек жив, мы не имеем права объявлять его окончательно погибшим.

Если Христос принял покаяние разбойника на кресте, кто из нас вправе сказать о другом человеке: «Для него уже нет надежды»?

Никто не может считать себя настолько праведным, чтобы перестать нуждаться в Божией милости. И никто не вправе считать другого настолько падшим, чтобы отказать ему в надежде на покаяние.

Посмотрите ещё раз на Голгофу. Люди видели казнь преступника. А Христос услышал обращение кающегося человека. И открыл ему рай.

Для чего человеку дана свобода?

Бог мог бы создать мир, в котором человек никогда не нарушал бы Его воли. Но тогда возникает вопрос: что представляла бы собой человеческая любовь, если бы человек не мог поступить иначе?

Можно заставить человека исполнить приказ. Можно ограничить его действия, лишить возможности уйти, подчинить его внешней силе. Но можно ли таким способом заставить любить?

Представьте человека, который помогает ближнему только потому, что иначе будет наказан. Внешне он может совершать те же поступки, что и любящий человек. Но разве между ними нет разницы? Один

действует из страха. Другой — потому, что чужая боль стала для него небезразличной.

Любовь предполагает свободное движение воли. И Бог, призывая человека к любви, не лишил его возможности выбора.

В раю Адаму была дана заповедь. Само её существование показывает, что человек был призван не просто следовать естественным побуждениям, но сознательно доверять Богу. Он мог принять Божию волю. Мог и отвернуться от неё.

Творец даровал человеку свободу, которой тот способен злоупотребить даже против своего Создателя. Но свобода не означает, что человек сам устанавливает, что есть добро и зло.

Если человек захочет назвать предательство верностью, оно не станет верностью. Если жестокость объявить любовью, от этого она не перестанет причинять страдание.

Свобода позволяет человеку выбирать, но не превращает любой его выбор в добро. И потому великое достоинство свободы неотделимо от великой ответственности.

Разум, данный для познания истины, способен стать орудием обмана. Слово, которым можно утешить страдающего, можно употребить для унижения. Силу, которой можно защитить слабого, можно обратить против него. Один и тот же дар — и совершенно разное его употребление.

От чего это зависит? От того, куда человек направляет свою волю.

Человек — не душа, заключённая в тело

Иногда тело представляют почти как препятствие духовной жизни. Будто подлинный человек — это только душа, а тело является временной оболочкой, мешающей ей приблизиться к Богу.

Но библейское повествование говорит иное. Человек был создан телесным ещё до грехопадения.

> *«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою» (Быт. 2:7).*

Тело не появилось как наказание за грех. Оно принадлежит первоначальному замыслу о человеке. Человек создан как единство души и тела.

Не только плоть и кровь

Неужели человек — это только плоть и кровь? Сложнейший организм, в котором всё человеческое сводится к работе органов и нервных клеток, к химическим процессам?

Представьте две слезы.

Одна появилась потому, что человек резал лук. Раздражение глаз вызвало естественную защитную реакцию организма.

Другая — потому, что он увидел чужое горе. Он сам не испытывал физической боли. Никто его не обидел. Но

страдание другого человека коснулось его настолько глубоко, что он заплакал.

В обоих случаях слёзы образуются одними и теми же телесными механизмами. Но разве одинаково то, что их вызвало?

В первом случае — физическое раздражение. Во втором — сострадание, любовь, способность переживать чужую боль как свою.

Наука исследует, какие процессы происходят в организме при сострадании. Но христианский вопрос глубже: что представляет собой человек, способный не только чувствовать собственную боль, но и сознательно разделять страдание другого?

Христианство видит в нём не просто биологический организм, а живое единство души и тела.

Мы не должны противопоставлять их так, словно тело не имеет никакого отношения к любви. Ведь именно через тело человек обнимает плачущего, ухаживает за больным, отдаёт последнее нуждающемуся.

Но и свести любовь к одной физиологической реакции означало бы оставить без ответа вопрос о её духовном содержании.

Человек любит не отдельно душой и не отдельно телом. Любит человек — целиком.

Через тело он воспринимает окружающий мир. Видит красоту природы, слышит голос другого человека, трудится, заботится, обнимает ребёнка, подаёт руку нуждающемуся. Именно в телесной жизни наши

внутренние решения становятся видимыми поступками.

Можно сколько угодно рассуждать о милосердии. Но когда перед нами голодный человек, любовь получает возможность проявиться совершенно определённым образом: накормить его.

Поэтому христианская жизнь не является ненавистью к телу. Голод сам по себе не грех. Усталость не грех. Потребность в отдыхе, пище, тепле, заботе — естественная сторона человеческой жизни.

Но можно есть, чтобы поддерживать силы, а можно сделать удовольствие от пищи настолько важным, что ради него перестать замечать нужды близких. Не тело само по себе делает человека рабом страстей. Решающим становится согласие человеческой воли.

Человек и сотворённый мир

В книге Бытия человеку поручено наполнять землю и обладать ею. Адам помещён в райский сад, чтобы возделывать и хранить его. Обратите внимание на последнее слово: хранить.

Человеку доверено Божие творение. Он способен познавать закономерности природы, преобразовывать окружающий мир, создавать то, чего прежде не существовало в результате человеческого труда.

Из дерева возникает дом. Из камня — храм. Из звуков — музыка. Из человеческой мысли — научное открытие, способное облегчить страдания тысяч людей.

Но означает ли власть над природой право распоряжаться ею без всякой ответственности? Нет. Если мир является творением Божиим, человек не может считать себя его безусловным хозяином.

Он не создал ни законов природы, ни самой жизни, ни собственных способностей. Всё это было ему дано. А значит, вопрос заключается не только в том, что человек способен сделать, но и в том, ради чего он употребляет свои способности.

Техническое могущество само по себе не свидетельствует о нравственном совершенстве. Человек может научиться управлять огромными силами природы и при этом не научиться управлять собственным гневом. Может создавать сложнейшие устройства, но оказаться неспособным примириться с ближним.

Разве это не заставляет задуматься о том, что мы называем развитием?

В чём человек превосходит даже ангелов?

Есть у святителя Григория Паламы рассуждение, которое позволяет увидеть человеческую природу с неожиданной стороны.

Мы привыкли представлять ангелов существами неизмеримо более совершенными, чем человек. Они бесплотны, не подвержены обычным человеческим телесным нуждам, служат Богу.

И всё же святитель Григорий Палама указывает, что в определённом отношении человек полнее являет образ

Божий. Не потому, что человек святее добрых ангелов. И не потому, что человеческое тело само по себе делает его духовно выше.

Речь идёт об особом устройстве человеческой природы. Человек обладает разумной душой, соединённой с телом, которое она оживотворяет. Его мысль может выражаться в слове, а внутреннее решение — осуществляться через тело во внешнем мире.

Человек может носить в уме мысль, невидимую для окружающих. Но стоит ему заговорить — и другой человек услышит то, что прежде существовало лишь в его внутреннем мире. Он может записать мысль, и через много столетий её прочитает тот, кто никогда не видел её автора.

В «Ста пятидесяти главах» (§§ 61–64) святитель Григорий Палама раскрывает эту особенность человеческой природы, сопоставляя её с природой бесплотных ангелов.

Палама не утверждает, что всякий человек духовно выше ангелов. Напротив, по степени уподобления Богу добрые ангелы превосходят людей, ещё не достигших святости. Но сама человеческая природа обладает особым достоинством.

Видеть Бога

Но величие человеческого предназначения открывается ещё глубже.

Христос говорит: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8).

Человек, созданный из земного праха, призван не просто узнать о существовании Бога. Ему обещана возможность боговидения.

Не постижения неприступной Божественной сущности — она недоступна никакому творению. Но действительного общения с Богом, причастности Его благодати, созерцания Его славы.

Святитель Григорий Палама раскрывал различие между непостижимой сущностью Бога и Его нетварными энергиями, через которые Бог действительно открывается Своему творению.

И ангелы, и люди не могут постичь Божественную сущность. Но это не означает, что ангелы лишены боговидения. Христос говорит об ангелах, которые «всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18:10).

И всё же обещание, данное человеку, поразительно. Мы привыкли мечтать о том, чтобы увидеть далёкие миры, раскрыть тайны природы, понять устройство Вселенной. А Христос говорит о несравненно большем: человек призван увидеть Самого Бога.

Что же должно произойти с человеческим сердцем, чтобы оно стало способным к такому общению? Господь отвечает: оно должно стать чистым. Не богатым. Не знаменитым. Не могущественным. Чистым.

И здесь перед нами открывается совершенно иная мера человеческого величия.

Знать о Боге — ещё не значит жить с Богом

Если человек создан по образу Божию, обладает разумом, свободой и призван к соединению с Богом, почему одного знания об этом недостаточно?

Можно прочитать множество богословских книг, изучить Священное Писание, знать церковную историю и святоотеческие сочинения. И при этом годами носить в сердце ненависть.

Можно прекрасно объяснять, почему необходимо прощать, но не простить собственного брата. Можно рассуждать о любви к ближнему и не заметить, как рядом страдает одинокий человек.

Разве знание о любви равнозначно самой любви? Нет. Знание может показать путь, но не заменяет движения по нему.

Бог открывает Себя человеку не для того, чтобы стать предметом одного только отвлечённого исследования. Человек призван к живому общению с Ним: к вере, молитве, покаянию, исполнению заповедей, участию в жизни Церкви.

И всё это не должно оставаться набором внешних действий. Потому что смысл духовной жизни заключается не в том, чтобы приобрести хорошее мнение о собственной праведности, а в том, чтобы действительно изменяться.

Не просто научиться говорить о милосердии, а стать милосердным. Не только осуждать жестокость, но и самому перестать быть жестоким. Не просто признавать Бога источником любви, а учиться любить.

И человек не достигает этого одним напряжением собственной воли. Ему необходима Божия благодать. Христианское совершенство — не история о человеке, который самостоятельно сделал себя безупречным. Это история о свободном человеческом ответе на действие Божие.

Каково же наше настоящее величие?

Попробуем теперь посмотреть на человека ещё раз.

Перед нами существо, созданное из земного праха, нуждающееся в пище, сне и заботе. Его тело уязвимо. Его знания ограничены. Его земная жизнь кратка.

Но этому существу Бог даровал разум и свободу. Ему доверено творение. Ему дана способность любить. И главное — он призван к общению с Самим Богом, к обожению по благодати.

Всё это относится не только к выдающимся людям, не только к великим подвижникам и не только к тем, кто достиг заметных успехов в жизни. Таково призвание человеческой природы. Твоей. Моей. Каждого человека, которого мы встречаем.

И вот теперь возникает вопрос, от которого уже трудно отмахнуться.

Если человеку предназначено такое величие, почему мы так часто измеряем собственную жизнь совершенно иными мерками?

Почему можем потратить годы, добиваясь признания окружающих, и почти не задумываться о том, какими становимся перед Богом?

Почему способны заботиться о своём положении, имуществе, удобстве, но порой не замечаем, что происходит с нашим сердцем?

Возможно, прежде чем рассуждать о том, как устроен мир и что в нём необходимо изменить, нам следует понять, кем мы сами призваны быть.

Потому что невозможно правильно оценить человеческую жизнь, не зная её предназначения. И невозможно до конца осознать, что человек теряет, пока не увидишь, какое величие ему было даровано.

Глава 2. Ангелы и человек

Мы привыкли думать об ангелах как о существах далёких от нашей жизни. Они принадлежат невидимому миру, о котором мы знаем немного. Но стоит открыть Евангелие, и оказывается, что разговор об ангелах неожиданно касается самого человека — его свободы, его достоинства и даже того, как он обращается с ближним.

Однажды ученики спросили Христа, кто больше в Царстве Небесном. Он поставил посреди них ребёнка. А затем произнёс слова, которые не дают спокойно пройти мимо: «Смотрите, не презирайте ни одного из малых сих; ибо говорю вам, что Ангелы их на небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного» (Мф. 18:10).

Представим эту сцену. Взрослые люди спорят о величии. Перед ними стоит ребёнок, который не может предъявить ни заслуг, ни власти, ни знания. И Христос обращает их внимание не на силу, а на того, кого легко не заметить. Причём говорит не только о ребёнке, но и об ангелах, предстоящих Богу.

Это не красивая подробность евангельского рассказа. Это перемена взгляда. Тот, кого мы способны презреть, не оставлен Богом. Мы можем пройти мимо человека, не узнав даже его имени, — но не вправе делать вывод, будто он незначителен в Божиих очах.

Кто же такие ангелы? Писание не даёт нам подробного описания устройства невидимого мира. Оно открывает то, что необходимо для нашей жизни.

Ангелы — сотворённые Богом духовные существа, обладающие разумом и волей. Они не боги, не самостоятельные источники силы и не предмет поклонения. Они служат Творцу.

В Послании к Евреям сказано: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые на служение для тех, которые имеют наследовать спасение?» (Евр. 1:14). Вдумайтесь в необычность этих слов. Существа, которых мы представляем более сильными и чистыми, чем мы, посылаются служить людям. Не потому, что человек властен над ними, а потому, что такова воля Бога.

Мы просим в молитве помощи ангела-хранителя. Но смысл этой помощи не в том, чтобы невидимый покровитель исполнял наши желания и избавлял от всякой трудности. Ангельское служение направлено к спасению человека. А спасение не всегда совпадает с тем, что человеку кажется удобным.

Есть и другая сторона этого служения. Ангелы не просто совершают поручения: они славословят Бога. Пророк Исаия слышит серафимское «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф» (Ис. 6:3). В небесном служении соединены созерцание, славословие и верность. Не случайно Церковь учит человека молиться вместе с небесными силами. Но это не значит, что мы уже достигли их чистоты.

Святой Иоанн Дамаскин говорит об ангелах как о разумных и свободных существах. Они сотворены, а потому ограничены; их знание не равно всеведению Бога. Когда святые отцы говорят, что ангелы созерцают

Бога, это нельзя понимать так, будто сотворённый дух способен объять непостижимую Божественную сущность. Близость к Богу — дар, а не обладание Им.

Здесь возникает вопрос, который невозможно обойти: если ангелы столь близки к Богу, как вообще стало возможным падение некоторых из них?

Писание говорит о диаволе и его ангелах (Мф. 25:41), о духах, не сохранивших своего достоинства (Иуд. 1:6), и о борьбе Михаила и его ангелов с драконом (Откр. 12:7–9). Эти свидетельства не дают нам права уверенно восстановить каждую подробность того, что происходило вне человеческой истории. Но они открывают главное: духовная высота сама по себе не уничтожает свободы, а свобода может быть употреблена против Бога.

Это страшная мысль. Существо может обладать великими дарами и всё же отвернуться от Источника этих даров. Само наличие разума не гарантирует любви. Сила не делает волю доброй. Даже знание о Боге нельзя смешивать с верностью Ему.

В предании Церкви падение диавола связывается с гордостью. Не с обычной человеческой слабостью, не с усталостью тела, не с нуждой в хлебе. Речь идёт о восстании воли: о желании поставить себя выше того места, которое определил Творец. Падение начинается не с недостатка дара, а с отказа правильно им распорядиться.

И вот здесь положение человека оказывается удивительным. Мы живём в теле, устаём, ошибаемся, не

всегда различаем собственные побуждения. Нам приходится учиться, сомневаться, пересматривать решения. Но земная жизнь оставляет человеку время для покаяния. Он может признать зло, которое совершил, обратиться к Богу, просить прощения и начать борьбу за изменение своей жизни.

Почему покаяние открыто человеку, а падшие ангелы, согласно церковному учению, пребывают в своём отпадении? Святые отцы рассуждали об этом, связывая различие с образом ангельского выбора и человеческого существования. Но было бы самонадеянно утверждать, что нам до конца известны все причины Божия суда. Мы не должны превращать тайну невидимого мира в схему, в которой на каждый вопрос уже есть готовый ответ.

Зато мы можем понять то, что относится к нам непосредственно: пока человек жив, время покаяния нельзя считать ничтожным. День, который кажется обычным и ничем не примечательным, может оказаться временем решающего выбора. Возможность сказать Богу «я согрешил» — не свидетельство нашего превосходства над ангелами, а дар милости, которым нельзя пренебречь.

Апостол Павел задаёт коринфянам поразительный вопрос: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?» (1 Кор. 6:3). Он произносит его не ради возбуждения человеческой гордости. Напротив, укоряет христиан, которые не умеют справедливо разрешать собственные

споры. Будущее достоинство становится у него основанием нынешней ответственности.

Каким образом святые будут участвовать в суде над ангелами, Писание здесь подробно не объясняет. Нельзя уверенно дорисовывать судебную сцену или объявлять доказанными наши предположения о мотивах сатаны. Но сам вопрос апостола заставляет задуматься: человек, столь немощный в земной жизни, призван к участию в Божием торжестве над злом. Не своей властью, а через верность Христу.

И если человек, несмотря на слабость, способен отвергнуть зло и остаться с Богом, то его верность становится свидетельством силы благодати. Не оправданием собственной праведности, а свидетельством того, что любовь и послушание Богу возможны даже среди скорбей и искушений.

Мы нередко спрашиваем, почему Бог допускает борьбу. Но прежде чем пытаться разгадать весь замысел Божий, стоит спросить себя: что я делаю со свободой, которая уже дана мне? Ведь свобода обнаруживается не только в великих решениях. Она проявляется, когда мы выбираем правду вместо удобной лжи, прощение вместо мести, молитву вместо согласия с ненавистью.

Человеческая жизнь проходит перед Богом. Это не означает, что каждый наш поступок превращён в зрелище для невидимых сил, подробности которого нам известны. Это означает, что наши решения имеют значение большее, чем мы привыкли им приписывать.

Вернёмся к ребёнку, которого Христос поставил среди учеников. Теперь слова о его ангелах звучат ещё глубже. Ангельский мир открывается нам не для того, чтобы мы забыли о людях и увлеклись тайнами неба. Он напоминает, что служение Богу неотделимо от верности Его воле, а уважение к человеку — от признания Божией заботы о нём.

И всё же остаётся вопрос, который подводит нас к следующей главе. Если и ангельский дух, и человек получили свободу, почему созданный для жизни с Богом человек оказался в мире, где существуют грех, страдание и смерть? Чтобы ответить, придётся обратиться к началу человеческой истории — к раю и к тому выбору, после которого наша жизнь стала иной.

Глава 3. Рай и разрыв общения

Человек был создан для общения с Богом. И всё же мы живём в мире, где любовь соседствует с ненавистью, здоровье — с болезнью, а всякая земная радость рано или поздно встречается со смертью. Мы настолько привыкли к этому порядку, что называем его естественным. Но был ли именно таким первоначальный замысел Творца?

Когда я размышляю об изгнании Адама, передо мной встаёт ещё одно изгнание — падших ангелов. Я верю, что эти события связаны гораздо глубже, чем мы обычно представляем. Чтобы объяснить своё понимание, я хочу сначала обратиться к вопросу, без которого дальнейший разговор теряет смысл: откуда вообще появилось зло, если Бог благ и всё сотворённое Им было благим?

Откуда взялась тьма

Представим умную лампу. Она устроена сложно: в ней есть электронная плата, микросхемы, программа управления, датчики, возможность менять яркость и цвет. Мы включили её в электрическую сеть. По проводам поступает питание, и лампа освещает комнату. Всё работает так, как задумано.

Теперь представим, что этой лампе дана необычная возможность: она способна сама принять решение, оставаться ли подключённой к источнику питания. Пока она соединена с ним, светит. И вот лампа решает

разорвать соединение. Не потому, что электростанция перестала подавать энергию. Не потому, что кто-то выключил свет во всём доме. Она сама размыкает контакт.

Что произошло? Лампа погасла. А что стало в комнате? Темно. Только что был свет, а теперь — тьма.

И здесь я прошу читателя остановиться. Откуда взялась тьма? Кто её изготовил? По какому проводу она пришла? Может быть, в комнату поступила особая тёмная энергия? Нет. Ничего подобного не потребовалось. Прекратилось поступление света — и место, которое он освещал, оказалось во тьме.

Тьма стала для нас совершенно реальной: мы не видим предметов, можем споткнуться, потерять дорогу. Последствия ощутимы. Но для её появления не понадобилось создавать тьму как вторую силу, равную свету. Достаточно было утратить свет.

Или возьмём тепло. В комнате работает отопление, человеку хорошо. Если тепло перестаёт поступать, температура падает. Мы ощущаем холод, иногда смертельно опасный. Но холод не обязательно означает, что кто-то произвёл особое вещество под названием «холод» и впустил его в комнату. Мы потеряли тепло.

Этот образ помогает мне понять учение святых отцов о зле. Бог есть источник всякого подлинного блага. Ангел был сотворён благим, разумным и свободным. Его свобода была даром. Он мог пребывать в верности Богу, принимать Его свет и служить Ему. Но свободная воля могла и отвернуться.

Святой Иоанн Дамаскин связывает падение диавола с его собственным свободным выбором. Зло не было вложено Богом в ангельскую природу при сотворении. Оно возникло в обращении воли против добра. Как в нашем примере лампа лишилась света, разорвав связь с питанием, так разумное существо, отвернувшись от Бога, лишается того блага, к которому было призвано.

У всякого сравнения есть предел. Ангел — не электрический прибор, а Бог — не электростанция. Даже падший дух не перестаёт существовать, поскольку само его бытие зависит от Творца. И зло не сводится к безобидному отсутствию: от злой воли происходят ложь, жестокость и реальные страдания. Но образ позволяет увидеть самое начало: не Бог создал зло как самостоятельное доброе творение; сотворённая свобода обратилась против источника добра.

Вот почему мне важно спросить ещё раз: кто создал тьму в комнате? Никто. Свет перестал её освещать. А кто создал злую волю? Бог сотворил волю свободной и благой по своему предназначению. Злой она стала тогда, когда свободное существо направило её против Бога.

Можно ли было познать добро, не совершая зла? Конечно. Разве для того, чтобы понять ценность верности, необходимо предать? Чтобы узнать любовь, нужно ли сначала возненавидеть? Верные ангелы не должны были падать ради познания Бога. Человеку тоже не требовалось согрешить, чтобы возрастать в

любви. Грех не является необходимой ступенью духовного развития.

Свобода и предведение

Но тогда возникает вопрос: если Бог знал о падении ангелов и человека, почему Он допустил их выбор? Я не претендую на знание всех тайн Божиего Промысла. Однако одно различие необходимо понять: знать о будущем поступке и заставить совершить его — не одно и то же.

Представим, что опытный учитель заранее знает, как ученик ответит на вопрос. Знание учителя само по себе не заставляет ученика произнести ответ. Это лишь слабый человеческий образ: Божие ведение несравнимо глубже. Святой Иоанн Дамаскин различает предведение Бога и предопределение свободных поступков. Поэтому нельзя объявлять Бога виновником греха на том основании, что Ему был известен выбор творения.

Бог не заставляет человека любить Себя. Он даёт человеку свободу, потому что любовь по принуждению невозможна. Можно заставить человека подчиниться приказу, но нельзя приказом вызвать любовь. Так и Адам мог доверять Богу и хранить Его слово. Он мог и отвернуться. Именно поэтому его выбор имел значение.

Два изгнания

Теперь вернёмся к падшим ангелам. Христос говорит о вечном огне, «уготованном диаволу и ангелам его» (Мф. 25:41). В Откровении Иоанна древний змий, называемый диаволом и сатаною, низвержен на землю,

и ангелы его низвержены с ним (Откр. 12:9). Святитель Игнатий Брянчанинов в своих рассуждениях помещает ад в недра земли.

Есть ещё слова Самого Христа: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи» (Мф. 12:40). Господь говорит о Своём пребывании в сердце земли после смерти. Церковь исповедует, что Христос сошёл во ад и сокрушил его власть. Поэтому я связываю слова «сердце земли» с сошествием Спасителя во ад. В этом я вижу ещё одно основание понимать ад как находящийся в земных недрах. Сами слова Евангелия важно услышать точно: Христос произносит «в сердце земли», а связь этих слов с адом раскрывается в церковном понимании Его сошествия.

Христос говорит, что вечный огонь уготован диаволу и его ангелам. Откровение называет землю местом их низвержения. Святитель Игнатий Брянчанинов говорит об аде в земных недрах. Эти свидетельства помогают понять, где оказались падшие духи после своего восстания против Бога.

Из этих свидетельств я прихожу к выводу: нынешний физический мир Бог создал как место изгнания падших ангелов. Часть из них пребывает в воздушном пространстве, в поднебесье, а часть — в аду, в недрах земли. Падшие ангелы не создавали этот мир и не владеют им: всё сотворено Богом и остаётся в Его власти.

И здесь важно понять последовательность. Падшие ангелы уже изгнаны. Но это ещё не означает, что все они

сейчас находятся в вечном огне. В Писании диавол действует среди людей; апостол Павел говорит о духах злобы поднебесных (Еф. 6:12). Другие падшие духи содержатся в узах и мраке (Иуд. 1:6; 2 Пет. 2:4). Вечный огонь, о котором говорит Христос, связан с окончательным судом. Значит, нынешнее место изгнания и будущее окончательное наказание нужно различать. Иначе мы не поймём, почему искуситель продолжает действовать.

А теперь посмотрим, что произошло с Адамом. Бог насадил рай и поместил туда человека (Быт. 2:8). Я различаю райскую землю и нынешний физический мир: это не одна и та же область жизни. В раю человек был призван жить с Богом, хранить Его заповедь и возрастать в любви. Когда же Адам послушал искусителя и предал доверие своему Творцу, он был изгнан из рая (Быт. 3:23–24). Куда? В тот самый нынешний мир, который, по моему убеждению, был создан как место изгнания падших ангелов. Человек последовал за голосом предателя — и оказался там, где уже пребывали изгнанные духи. Вот в чём я вижу трагедию человеческого падения.

Преподобный Максим Исповедник размышляет о призвании человека соединять разделённое, в том числе о различии рая и обитаемого мира. Эта мысль помогает мне увидеть, что человек был призван не просто пользоваться миром, а приводить всё доверенное ему к Богу. Падение разрушило прежде всего верность человека этому призванию.

Искушение в раю

В раю Бог дал человеку заповедь. Адам и Ева знали, какова воля Божия: они могли пользоваться дарами рая, но не должны были вкушать от дерева познания добра и зла (Быт. 2:16–17). Заповедь была ясной. И человеку предстояло решить, кому он будет верен.

Тогда змей обращается к Еве: «Подлинно ли сказал Бог?» (Быт. 3:1). Обратите внимание, с чего начинается искушение. Сатана предлагает человеку другую волю — свою. Бог сказал: не вкушай. Искуситель внушает: вкуси, и откроется тебе то, что Бог якобы скрывает.

Здесь происходит самое важное. Ева слышит два разных призыва. Один исходит от Бога, Который дал ей жизнь. Другой — от искусителя, который противится Богу. Человек должен выбрать, чьё слово принять и чью волю исполнить.

Представим ребёнка, которому отец сказал не трогать опасный электрический прибор. Приходит посторонний и убеждает: «Отец просто не хочет, чтобы ты узнал, на что способен. Включи его». Ребёнок верит постороннему и нарушает отцовское предупреждение. Что произошло? Он не просто нажал кнопку. Он предпочёл совет чужого человека слову отца, который заботился о нём.

Так и в раю. Искуситель внушил Еве свою волю, и она согласилась с ней. Затем плод вкусил Адам. Человек исполнил то, к чему склонял его змей, вопреки тому, что повелел Бог. В этом я вижу самую суть грехопадения:

человек отвернулся от воли Божией и принял волю искусителя.

И здесь особенно важно не потерять связь с тем, о чём мы говорили прежде. Падший ангел восстал против Божией воли. Теперь он убеждает человека сделать то же самое. Он стремится не просто добиться одного запрещённого поступка, а научить человека жить по чуждому Богу желанию, принимая его за собственное благо.

Посмотрите, как это близко к нашей жизни. Человек собирается сказать правду, но приходит мысль: «Солги, так будет выгоднее». Он хочет простить обиду, но слышит внутри: «Отомсти, иначе тебя сочтут слабым». Он знает, что должен помочь ближнему, но выбирает собственное удобство. И каждый раз перед ним стоит вопрос: какую волю он принимает?

Конечно, не всякое человеческое желание является бесовским. Мы хотим есть, отдыхать, трудиться, любить близких — всё это само по себе не зло. Но когда человек объявляет своё желание высшим законом и ради него сознательно нарушает заповедь, он повторяет тот самый выбор, который был сделан в раю. Его собственная воля становится местом согласия с искушением.

В аскетической жизни святые отцы уделяли особое внимание своеволию — привычке считать собственное «хочу» важнее воли Божией. Мне запомнилась суровая мысль из монашеских наставлений: собственная воля, поставленная выше Бога, ведёт человека в глубину ада. Смысл этих слов я вижу в том, что человек способен сам

выбрать направление, которое удаляет его от Источника жизни.

Поэтому христианская борьба — это не уничтожение человеческой воли. Бог дал её человеку. Наша задача — научиться свободно согласовывать свою волю с Его волей. Христос научил нас молиться: «Да будет воля Твоя» (Мф. 6:10). Мы произносим эти слова каждый день. Но исполняем ли их, когда Божия заповедь расходится с нашим желанием?

После греха Адам прячется от Бога. Когда Господь спрашивает его, Адам указывает на жену, а жена — на змея. Человек уже исполнил волю искусителя и теперь старается уйти от ответственности. Так бывает и с нами: сначала мы соглашаемся с неправдой, а потом ищем, кто виноват в нашем поступке.

А теперь представим, что было бы, если бы Адам, услышав голос Бога, не стал прятаться и оправдываться. Если бы он вышел навстречу своему Творцу и сказал: «Господи, я согрешил. Я послушал змея вместо Тебя. Прости меня». А Ева тоже признала бы свою вину.

Я верю, что тогда история человеческого рода могла бы сложиться иначе. Господь, Который любит человека, услышал бы их покаяние. Возможно, человечеству не пришлось бы пройти через то изгнание, смерть и страдания, которые последовали за грехопадением.

Но Адам ответил: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел». Ева сказала: «Змей обольстил меня, и я ела» (Быт. 3:12–13). Оба признали, что произошло, но каждый указал на другого. Вместо

просьбы о прощении прозвучало объяснение, кто подтолкнул их ко греху.

Разве мы не узнаём здесь себя? Согрешив, мы нередко говорим: «Меня довели», «Я не мог иначе», «Все так поступают». И как трудно бывает произнести без оправданий: «Господи, я согрешил. Прости меня». А ведь именно с такого признания начинается покаяние.

Именно по выбору человека становится видно, чему он служит. Не по одним словам о вере, а по тому, как он живёт: говорит ли правду, любит ли ближнего, борется ли с гордостью, умеет ли покаяться. Каждый день мы снова оказываемся перед тем же вопросом, что и первые люди: довериться Богу или принять то, что предлагает искушение.

Посмотрите на Адама. Он один раз нарушил Божию заповедь — и лишился рая. Вместе с ним весь человеческий род оказался перед лицом смерти, болезней и страданий.

А теперь посмотрим на себя. Сколько раз за один день мы нарушаем Божии заповеди? Сколько раз осуждаем ближнего, раздражаемся, завидуем, лжём, произносим злые слова? Сколько раз поступаем против совести, хотя прекрасно понимаем, что делаем?

Адам однажды послушал искусителя вместо Бога. А мы сколько раз слушаем его за один только день?

И ведь мы знаем гораздо больше Адама. Мы знаем, к чему привело грехопадение. Мы знаем о пришествии Христа, о Его страданиях, о Кресте, о Воскресении. Нам

открыто Евангелие. Мы знаем, что такое покаяние, и слышим призыв Божий вернуться к Нему.

Но как часто, зная всё это, мы продолжаем жить по собственной воле, пренебрегая волей Божией?

Задумаемся: если одно непослушание Адама имело такие страшные последствия, насколько серьёзно мы должны относиться к собственным грехам?

И всё же Господь оставил нам возможность покаяния. Пока человек жив, он может обратиться к Богу, попросить прощения и начать исправлять свою жизнь. Каждый прожитый день — возможность сделать ещё один шаг к Богу.

Что человек потерял

После грехопадения в человеческую историю вошли смерть и повреждение жизни (Рим. 5:12). Мы рождаемся среди последствий чужих решений. Но младенец не совершал личной волей грех Адама. Участие в общей беде и личная вина — разные вещи. Пророк Иезекииль говорит, что сын не понесёт личной вины отца (Иез. 18:20).

Чтобы понять это, представим строителя, который сознательно нарушил правила безопасности. Через годы дом обрушился. Пострадали люди, которые никогда не участвовали в его обмане. Они несут последствия чужого зла, но не становятся виновниками поступка строителя.

Или ребёнка, растущего рядом с жестоким родителем. Он может долгие годы страдать от того, чего

не выбирал. Его рана реальна. Но нельзя объявлять его виновным в жестокости взрослого. Так и в разговоре о грехопадении необходимо различать наследуемое повреждение жизни и собственное решение человека.

Мы часто принимаем окружающий порядок за единственно возможный. Болезнь кажется обычной, смерть — естественной границей, обман — способом устроиться, зависть — двигателем успеха. Но привычность не доказывает, что таков первоначальный Божий замысел. Когда апостол призывает не любить мир (1 Ин. 2:15–17), он обличает похоть и гордость, а не красоту деревьев, хлеб, человеческое тело или заботу о больном.

Иов и верность

Особенно ярко свобода человека открывается мне в истории Иова. Он теряет имущество, детей, здоровье. Его жизнь, казалось бы, лишается всего, за что человек обычно благодарит Бога. Но Иов не соглашается отвернуться от Него.

Я сопоставляю Иова с Адамом ради одного вопроса: что происходит с нашей верностью, когда обстоятельства становятся тяжёлыми? Адам нарушил заповедь в раю; Иов сохраняет верность среди скорбей. Я не ставлю их на воображаемые ступени святости. Мне важно увидеть, что человек даже в мире страдания способен свободно ответить Богу.

В книге Иова искуситель действует не как самостоятельный хозяин мира: Бог полагает ему

предел. Поэтому падшие духи не могут стать второй властью, равной Творцу. В то же время борьба за человеческое сердце реальна. Она не отменяет свободы и не превращает каждую болезнь в непосредственное действие беса.

И здесь я вспоминаю слова апостола Павла: «Разве не знаете, что мы будем судить ангелов?» (1 Кор. 6:3). Человек в немощной плоти, среди страданий и искушений, способен Божией благодатью сохранить верность. В этом я вижу свидетельство против восстания падшего духа: зло не способно принудить человека отказаться от Бога, если человек обращается к Нему.

Время возвращения

Но здесь начинается самое удивительное. Человек оказался в мире изгнания, однако его участь не стала такой же, как участь падших духов. Бог дал ему время земной жизни. Пока человек жив, он может увидеть собственный грех, раскаяться, изменить поступки, вернуться к Богу. Я вижу в этом великий дар: место изгнания становится для человека местом возможного покаяния. Там, где падший дух продолжает противиться Богу, человек может сказать: «Господи, прости меня» — и начать возвращение.

Изгнание не стало концом Божией любви. В истории Иосифа братья замышляют зло, но Бог обращает последствия их поступка к сохранению многих жизней (Быт. 50:20). Их предательство не становится добрым делом. Но зло не может остановить Промысл Божий.

И наконец — притча о блудном сыне. Он покидает дом, расточает полученное и остаётся ни с чем. Потом приходит в себя. Вспоминает отца. Встаёт и идёт назад. А отец встречает его (Лк. 15:11–32). Мне кажется, именно в этом образе особенно ясно видна судьба человека после рая: уход был настоящим, утрата — тяжёлой, но возвращение возможно.

Когда я думаю о земной жизни как об области изгнания, я не прихожу к отчаянию. Напротив: меня поражает, что здесь, среди боли, греха и смерти, человеку оставлена возможность вернуться к Богу. Нам дано время. И никто не обещал, что оно будет длиться столько, сколько мы захотим.

И потому я спрашиваю себя: почему мы устраиваемся в этом мире так, будто он наш окончательный дом? Почему дорожим временным сильнее вечного? Почему боимся потерять земное благополучие, но так редко боимся потерять любовь? Следующая часть нашего разговора будет именно об этом — о мире, который мы приняли за дом, и о том, как он незаметно начинает владеть нашим сердцем.

Глава 4. Мир, который мы приняли за дом

А что, если самое страшное произошло с человеком уже после изгнания из рая?

Он привык к своему изгнанию.

Вдумайтесь. Человек потерял рай, лишился прежнего общения с Богом, оказался в мире болезней, страданий и смерти. Но прошли поколения, столетия, тысячелетия. Род человеческий освоился в этом мире, научился строить города, возделывать землю, создавать государства, развивать науки и искусства.

Но в этой долгой истории обнаружилось нечто страшное: человек не перестал повторять тот выбор, который однажды лишил его рая.

Мы снова и снова принимаем ненормальное за норму, запрещённое — за дозволенное, страсть — за естественную потребность, распущенность — за свободу, похоть — за любовь.

Так было не только сегодня. Вспомним допотопный мир, о котором рассказывает книга Бытия, и Содом с Гоморрой. Люди жили своими заботами, желаниями и страстями, пока не настал день суда. И Христос, говоря о Своём пришествии, напомнил о днях Ноя: люди «ели, пили, женились и выходили замуж» до того дня, когда Ной вошёл в ковчег (Лк. 17:26–27; ср. Мф. 24:37–39). Сами по себе пища и брак не грех; страшно то, что люди жили обычной жизнью, не замечая приближающейся беды и не внимая Божию предупреждению.

Человеческий род получил закон, слышал пророков, увидел пришествие Христа, получил Евангелие. И всё же мы продолжаем грешить, оправдывать себя, называть зло добром и передавать эти оправдания следующим поколениям. Меняются времена, города, одежда и обычаи, но нежелание расстаться со страстями остаётся. Вот что пугает: человек знает о возможности возвращения к Богу, а живёт так, словно возвращаться не собирается.

Мы создаём представления о счастье, успехе, свободе и любви, в которых Богу почти не остаётся места. Передаём эти представления детям, учим их добиваться земного благополучия, готовим к будущей жизни.

Но к какой жизни?

Мы заботимся о том, чтобы ребёнок получил образование, профессию, достаток, положение в обществе. Переживаем, если он не сумеет устроиться здесь. А переживаем ли с такой же силой о том, научится ли он любить Бога? Сумеет ли сохранить чистое сердце? Научится ли прощать, сострадать, бороться со своими страстями?

Мы готовим детей к земной жизни, которая непременно закончится. Но как часто забываем готовить их к вечности!

И вот здесь открывается самое страшное: судя по тому, как живёт человеческий род, он не стремится возвращаться домой.

Мы словно решили остаться здесь навсегда. Устроить себе рай там, где всё подвержено смерти. Найти вечное счастье среди того, что неизбежно исчезнет.

Но попробуйте посмотреть на это глазами человека, который любит своих ближних.

Вы просыпаетесь утром. Рядом ваши дети, жена или муж. Вы разговариваете с родителями, идёте на работу, встречаете друзей, коллег, соседей. Заходите в магазин. Видите незнакомых людей, спешащих по своим делам.

У каждого своя жизнь. Свои заботы, надежды, радости, огорчения. Кто-то смеётся, кто-то торопится домой, кто-то выбирает подарок ребёнку, кто-то мечтает о завтрашнем дне.

И вдруг вы начинаете смотреть на всех этих людей иначе.

Перед вами люди, созданные для вечной жизни с Богом. Люди, за которых пострадал Христос. Люди, каждому из которых открыта возможность спасения.

Но сколько из них задумываются о том, куда ведёт их жизнь? Сколько стремятся приобрести весь мир, не замечая, что теряют собственную душу?

И самое тяжёлое — среди них ваши близкие. Те, кого вы любите. Те, чья боль становится вашей болью. Вы смотрите на них и понимаете, что однажды земная жизнь каждого закончится.

И тогда становится по-настоящему страшно. Страшно за мать и отца. За детей. За друзей. Даже за незнакомца, которого больше никогда не встретишь.

Потому что перед вами человеческий род, которому Бог предназначил вечную жизнь, а он так увлёкся временной, что почти перестал думать о вечности.

И когда любишь этих людей, трудно смотреть на всё это равнодушно. Хочется помочь им увидеть то, чего они не замечают. Предупредить. Объяснить. Но ещё сильнее хочется обратиться к Богу: «Господи, помилуй нас. Даруй нам веру. Научи нас любить. Открой наши сердца, чтобы мы увидели, куда идём, пока ещё не поздно изменить свой путь».

Потому что самое страшное в нашем изгнании — забыть, что мы изгнаны, и перестать желать возвращения.

Как мы стали служить биоскафандру

Представьте космонавта в открытом космосе. Без скафандра он не сможет дышать, двигаться и выполнять работу. Скафандр защищает его от окружающей среды, позволяет видеть, слышать, пользоваться руками. Но сам космонавт — не скафандр. Скафандр дан ему для того, чтобы он мог действовать там, где иначе не смог бы находиться.

А теперь попробуем посмотреть на человеческое тело с совершенно непривычной стороны.

Я верю, что духовная реальность устроена иначе, чем наш нынешний физический мир. Душа не может самостоятельно взаимодействовать с ним так, как мы взаимодействуем посредством тела. Поэтому мне близок образ тела как биоскафандра: живого,

удивительно сложного устройства, через которое человек видит мир, говорит, прикасается к другому человеку, трудится, ощущает боль и радость.

Наш биоскафандр поразителен. Глаза принимают свет, уши улавливают звуки, кожа чувствует тепло и прикосновение. Сердце гонит кровь, лёгкие обеспечивают дыхание, мозг обрабатывает сигналы, организм поддерживает себя при помощи сложнейших химических процессов. Мы ещё подробно поговорим о том, как в нём возникают ощущения, желания, привычки и как с ними связаны мысли и чувства.

Но здесь нас интересует другое. Для чего человеку дано это тело — и кому в действительности служит человек?

Скафандр должен помогать космонавту выполнять задачу. А что было бы, если бы космонавт забыл о своей задаче и посвятил всё существование удовлетворению требований скафандра? Стал бы считать главным смыслом жизни его удобство, внешний вид и приятные ощущения? Разве это не было бы страшной потерей цели?

Именно так, я думаю, мы нередко поступаем с собственным телом. Оно нуждается в пище — и мы превращаем питание в чревоугодие. Ему нужен отдых — и мы делаем удобство высшей ценностью. Оно способно испытывать наслаждение — и мы начинаем искать наслаждения даже там, где ради него приходится нарушать Божию заповедь.

Возьмём пример, который касается одного из самых сильных человеческих соблазнов. Мужчина видит красивую девушку. Он замечает её лицо, фигуру, движения. Сама встреча с красотой ещё не означает греха. Но вот он задерживает взгляд, начинает мысленно раздевать её, воображать близость, сознательно возвращается к этим образам и разжигает желание. Так взгляд становится блудным помыслом, помысел может привести к согласию, а согласие — к поступку.

Ради чего? Ради нескольких мгновений телесного удовольствия? Ради желания, которое вспыхнет и погаснет? И мужчина, и девушка — не просто красивые тела. Каждый из них человек, созданный для вечности, со своей душой и своим предназначением. Но в минуту страсти один человек может перестать видеть в другом личность и начать воспринимать его как средство для собственного наслаждения.

А ведь придёт время, когда красота нынешнего тела исчезнет. Тело умрёт, подвергнется тлению, обратится в прах. Человек, которого сегодня ослепляет чужая плоть, сам однажды оставит своё земное тело. Что же он приобрёл, если ради мимолётной похоти предал любовь, совесть и заповедь Божию?

Христос говорит: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» (Мф. 5:28). Господь обращает наше внимание на то, что происходит внутри нас ещё до внешнего

поступка. Мы способны остановить помысел, а способны добровольно питать его, пока он не овладеет сердцем.

И вот какой обмен совершает человек: он рискует своим вечным предназначением ради удовольствия биоскафандра, который сам по себе не вечен. Мы так дорожим временной оболочкой, что иногда ради её прихотей готовы потерять то, ради чего были созданы.

Здесь нужно понять важное. Тело сотворено Богом и не является врагом души. Мы не призваны презирать его: Церковь исповедует воскресение мёртвых, а значит, окончательная участь человека — не вечное существование души без тела. Образ биоскафандра помогает мне говорить о нынешнем телесном состоянии и о том, как мы подчиняемся страстям; он не исчерпывает тайны человека. Опасно не тело, а наше рабство удовольствию, когда мы ради него отказываемся от любви и Божией воли.

Но почему так происходит? Как внешняя красота становится внутренним образом, образ — желанием, желание — привычкой? Как в этом участвуют мозг, гормоны и другие вещества нашего организма? Мы обязательно вернёмся к этим вопросам. Пока же достаточно увидеть саму подмену: человек создан для Бога, а порой живёт так, словно создан для обслуживания собственных ощущений.

Мир, в котором обнаруживается наш выбор

Представим большой аквариум. В нём есть вода, растения, пища и живые существа, которым приходится

делить одно пространство. Мы видим, как они приспосабливаются к условиям, борются за пищу и занимают своё место. Аквариум — ограниченный мир, из которого нельзя увидеть всё, что находится за стеклом.

Разумеется, человек не рыбка, а земля не стеклянный сосуд. Но образ помогает заметить две вещи. Во-первых, мы видим лишь небольшую часть бытия и часто принимаем её за всё существующее. Во-вторых, именно в ограниченном пространстве нашей земной жизни становится видно, как мы распоряжаемся тем, что получили.

У нас есть пища — и рядом человек, которому её не хватает. Есть возможность сказать правду — и соблазн солгать ради выгоды. Есть сила — и тот, кто слабее. Есть время — и тот, кто нуждается в нашем внимании.

Один человек видит в ближнем соперника, другой — брата. Один старается присвоить как можно больше, другой умеет поделиться. Один пользуется чужой слабостью, другой защищает слабого. Они живут в одном мире, но распоряжаются свободой совершенно по-разному.

Богу не нужно устраивать испытание, чтобы узнать о нас то, чего Он не знает. Но человеку собственный выбор открывает состояние его сердца. Иногда мы уверены, что любим ближних, пока эта любовь ничего нам не стоит. А потом рядом оказывается больной родственник, которому нужно уделять время каждый день. Вот здесь и становится видно, что для нас значит любовь.

Всё это происходит среди самых обычных обстоятельств. Поэтому земная жизнь так важна: здесь у нас ещё есть возможность исправить то, что мы увидели в себе.

Что мы способны увидеть

Есть ещё одна причина, по которой человек принимает нынешний мир за единственную реальность. Всё, что нас окружает, мы узнаём через органы чувств. Мы видим свет, слышим звуки, чувствуем запахи, вкус, прикосновение. Приборы расширяют наши возможности: позволяют обнаружить то, чего глаз не видит, а ухо не слышит.

Но представьте человека, который с рождения не слышит. Музыка не перестаёт существовать оттого, что он не может её услышать. Или вспомните, как долго люди не знали о микроскопических организмах. Они существовали и тогда, когда никто ещё не мог увидеть их через прибор.

Наше восприятие ограничено. Это не доказательство любого предположения о невидимом мире, но важный повод не считать собственные ощущения мерой всего существующего.

Христианство говорит о мире духовном. Мы не можем просто направить туда телескоп или поставить датчик и получить изображение ангела. Но можем задуматься о том, что значит видеть и понимать.

Иногда человек входит в комнату и сразу замечает, что близкий чем-то огорчён. Тот ещё ничего не сказал, а

мы уже чувствуем его состояние. Возможно, мы уловили взгляд, дыхание, выражение лица. Иногда объяснить это трудно. Так или иначе, мы понимаем, что восприятие человека не сводится к сознательному перечислению увиденных деталей.

Мне близок образ своеобразных «датчиков души». Так можно назвать способность человека духовно внимать тому, что происходит с ним и с ближними: замечать движение совести, различать любовь и зависть в собственном сердце, чувствовать чужую боль. Образ помогает поставить вопрос и о более глубоком духовном восприятии, которое описывается в житиях святых.

Но образ — это ещё не устройство, которое можно разобрать на части. Мы не знаем, существует ли какой-либо физический механизм, объясняющий все подобные свидетельства. И не должны выдавать догадку об изменении атомов или особых сигналах за научно установленный факт. Здесь для нас важнее другое: человек способен жить так, словно существует только видимое, и при этом упускать из виду собственную душу.

Сколько внимания мы уделяем внешности! Замечаем морщины, седину, одежду, выражение лица. Но умеем ли так же внимательно замечать, как меняется наше сердце?

Как выглядела бы наша душа?

А теперь представьте, что с человека сняли привычную земную оболочку и мы увидели его

самого — таким, каков он внутри. Не лицо, которое досталось ему от родителей, не красивую одежду, не молодость или старость, а то, что он сделал со своей душой.

В нашем мире внешность часто обманывает. Человек может быть прекрасен лицом и жесток сердцем. А может быть больным, старым, неприметным, но любить так, как мы не умеем. Мы привыкли оценивать оболочку, потому что её видим. А внутреннее состояние другого человека нам открывается лишь частично — через слова, поступки, отношение к ближним.

Я верю, что духовный мир живёт по иным законам. Его «физика», если вообще можно употребить здесь привычное нам слово, может совершенно не походить на физику нашего мира. И мне представляется, что там духовные качества не просто скрыты внутри личности, а могут непосредственно определять её облик. Иными словами, тело души, её видимый духовный образ, может выражать то, чем она стала.

Попробуем вообразить это. Если человек всю жизнь взращивал гордость, то она могла бы проступить на нём словно рога. Если он предавался злобе и жестокости, его облик мог бы стать грубым, звероподобным, с чертами, напоминающими копыта. Если он наполнял себя ненавистью, он мог бы выглядеть тёмным, почти чёрным. Не потому, что кто-то нарисовал на нём наказание, а потому, что его собственное внутреннее содержание стало видимым.

А что, если человек всю жизнь учился смирению? Представьте над ним свет, напоминающий нимб. Если он жил милосердием и любовью — прекрасные черты, сияние, словно крылья, лёгкость, чистоту. Если душа стремилась к Богу, её облик мог бы светиться и переливаться такими красками, каких мы никогда не видели на земле.

Я привожу рога, копыта, крылья и сияние как условные образы. Я не знаю, существуют ли в духовной реальности именно такие формы и как там устроено видение. Но саму мысль считаю чрезвычайно важной: наши нравственные качества могут стать не просто свойствами души, а её видимым обликом.

Вспомните, какими прекрасными и светлыми изображают ангелов, а падших духов — обезображенными. Иконописные и народные изображения нельзя принимать за точные изображения невидимой анатомии. Но через них можно задуматься: не отражается ли в красоте верность Богу, а в безобразии — добровольное отвращение от Него?

Теперь посмотрим на себя. Сколько времени мы тратим на лицо, волосы, одежду, фигуру! Как переживаем из-за морщин, полноты, седины. И как мало иногда заботимся о том, что делает с нашей душой зависть, злость, осуждение, гордость, блудный помысел.

Представьте, что завтра каждому человеку покажут его душу в том облике, который она приобрела за прожитые годы. Узнали бы мы себя? Не ужаснулся бы иной красавец тому, что скрывается за прекрасным

лицом? И не оказалась бы неприметная старушка, прожившая жизнь в молитве и заботе о других, удивительно прекрасной?

Мы украшаем свой временный биоскафандр, который однажды подвергнется тлению, и забываем о красоте души, с которой предстанем перед Богом. Вот ещё одна подмена, на которой держится привычная нам картина мира.

И если внутреннее действительно способно становиться внешним, то каждый день мы участвуем в создании собственного облика. Не красками и украшениями, а тем, чему даём место в сердце. Любовью или ненавистью. Смирением или гордостью. Милосердием или равнодушием.

Куда ведёт привычная жизнь

Мы уже увидели, как легко человек начинает считать временное главным. Ему нужен хлеб, но он делает смыслом жизни наслаждение. Ему нужна крыша над головой, но он готов предать ради богатства. Ему дана свобода, но он начинает называть свободой власть собственных страстей.

А затем он передаёт эти представления детям. Они вырастают, принимают их за естественный порядок и учат тому же следующее поколение. Так человеческий род постепенно может забывать не только о потерянном рае, но и о самом смысле возвращения.

И всё же рядом с этой трагедией существует другая реальность. Мы встречаем людей, которые живут ради

ближних. Мать, не спящую ночами у постели больного ребёнка. Человека, который простил тяжёлую обиду. Того, кто делится последним, хотя никто этого не увидит.

Такие поступки напоминают нам, что любовь не исчезла из человеческого мира. Что и здесь человек может отвечать Богу. Что наша жизнь ещё не закончена и направление пути ещё можно изменить.

Поэтому страх за человеческий род должен вести нас не к презрению, а к любви. Если мы видим, как люди удаляются от Бога, нам есть о чём молиться. Есть кого поддержать, кому помочь, кого выслушать. И прежде всего есть собственное сердце, которое нужно научить верности.

Но как человек приходит к согласию со злом? Как возникает мысль, которую мы сначала считаем чужой, затем принимаем за свою, а потом превращаем в поступок и привычку? Чтобы понять, почему мир так прочно удерживает нас, нужно внимательнее посмотреть на то, что происходит внутри самого человека.

Глава 5. Мысль, с которой я согласился

Представьте: вы проснулись утром в хорошем настроении. Накануне помирились с близким человеком, собирались спокойно заняться делами. И вдруг телефон подал сигнал. На экране — несколько слов от знакомого. Вы прочитали их и почувствовали, как внутри всё изменилось.

«Он опять решил меня унизить!» — мелькнула мысль. Вы ещё не ответили, даже не перечитали сообщение, а уже мысленно спорите с отправителем. Вспоминаете старую обиду, подбираете колкие слова, представляете, как поставите его на место.

Прошло всего несколько секунд. Откуда взялось всё это? И главное — кто теперь решает, что будет дальше?

В предыдущей главе я говорил о том, как человек начинает служить своему биоскафандру — телу, через которое душа взаимодействует с нынешним физическим миром. Но телесному поступку часто предшествует почти незаметное движение: мысль, образ, воспоминание, чувство. И именно здесь начинается борьба, которую окружающие могут вовсе не увидеть.

Вот почему вопрос о мысли касается каждого из нас. Через неё мы можем обратиться к любви — или добровольно открыть дверь тому, что разрушает любовь.

Мысль пришла. Но согласился ли я?

Вспомните другой случай. Вы собираетесь выходить из дома, не можете найти ключи — и неожиданно в памяти возникает карман куртки, которую надевали вчера. Вы идёте к куртке и находите ключи. Никто не заставлял вас долго рассуждать. Нужное воспоминание словно само появилось в уме.

Или вдруг вспомнился человек, которого давно не видели. Всплыло лицо, голос, целая сцена из прошлого. Вы не собирались об этом думать, но память уже принесла образ.

Так бывает и с недоброй мыслью. Она может возникнуть неожиданно. Человек видит чужую красоту — и в уме мелькает соблазнительный образ. Слышит неприятные слова — и приходит желание отомстить. Замечает чужой успех — и чувствует укол зависти.

Само непрошеное появление мысли ещё не означает добровольного согласия на грех. Православная аскетическая традиция различает прилог — первое предложение помысла, внимание к нему, собеседование, услаждение и согласие. Эта последовательность важна не для того, чтобы позволять себе немного греха, а чтобы распознать его у самого порога. Отсекать нужно не только готовое намерение, но и первое движение к страсти, не давая ему укорениться.

Представьте, что кто-то постучал в вашу дверь. Вы услышали стук. Но разве это значит, что вы уже

пригласили незнакомца войти, усадили его за стол и доверили ему свой дом?

Помысел может постучать без нашего желания. Но нельзя приглашать его внутрь даже ради любопытства. Не стоит рассматривать соблазн, спорить с ним, испытывать себя: «А вдруг я устою?» Чем дольше человек беседует со страстью, тем легче принять её за собственное желание. Святые отцы учили отсекать злые помыслы в самом начале.

Вернёмся к сообщению на телефоне. Возникло раздражение: «Он меня унизил». Не нужно сразу строить в уме обвинительную речь. Лучше остановиться, увидеть, как самолюбие требует ответа, и обратиться к Богу. Позднее, если необходимо, можно спокойно выяснить смысл сказанного или защитить справедливость. Но не кормить обиду внутренним спором.

А можно часами кормить в себе обвинение. Повторять одну и ту же сцену, прибавлять к ней новые слова, придумывать ответы, которые так и не будут произнесены. В этот момент мы уже не ищем правду. Мы упражняемся в злопамятстве.

Внешне ничего не произошло: человек сидит на стуле и молчит. Но если он снова и снова разжигает в себе обиду, уже идёт внутренняя работа страсти. Вот почему так важно не ждать внешнего поступка. Борьба начинается в сердце.

Что происходит в нашем биоскафандре

Но что в это время делает мозг? Ведь мысль не остаётся без телесного отклика. Мы можем почувствовать, как участилось сердцебиение, напряглись мышцы, изменилось дыхание. Вспоминая обиду, человек порой вновь переживает её почти как настоящее событие.

В головном мозге непрерывно работают огромные сети нервных клеток. Нейрон передаёт сигнал по своему отростку. Когда электрический импульс достигает окончания клетки, открываются специальные каналы, и внутрь поступают ионы кальция. Это помогает высвободить вещества-посредники — нейромедиаторы. Они пересекают крошечное пространство между клетками и связываются с рецепторами следующего нейрона.

Так электрическое событие вызывает химическое, а химическое изменяет вероятность нового электрического сигнала. Одни связи облегчают возбуждение, другие его сдерживают. Глутамат играет важную роль в возбуждающей передаче, а ГАМК — в тормозной. Другие вещества участвуют в регуляции внимания, настроения, мотивации и боли; например, эндогенные опиоидные пептиды, к которым относятся эндорфины, связаны с регулированием болевых ощущений.

Это не отвлечённая химия из учебника. Когда мы смотрим на любимого человека, вспоминаем пережитое, пугаемся, радуемся или испытываем

соблазн, телесная сторона происходящего связана с работой нервной системы. Позднее мы подробнее рассмотрим биохимию чувств, привычек и страстей.

Но важно понять границу такого объяснения. Нейромедиатор не произносит в нашем сознании нравственный приговор: «Отомсти» или «Прости». Чтобы понять, почему именно это сообщение показалось нам обидным, нужно знать историю отношений, смысл слов, наши ожидания, память и то, на чём мы остановили внимание.

Знание механизма передачи сигналов ещё не отвечает на вопрос, что человек должен сделать с возникшим желанием. Мы можем исследовать телесные процессы и одновременно спрашивать о свободе, совести и нравственном выборе.

Если мы постоянно возвращаемся к одному и тому же переживанию, это может закреплять привычные способы реагирования. И тогда человеку кажется, будто он уже не способен поступить иначе. Но привычка — не заповедь. То, что реакция стала привычной, не делает её правильной.

Кто посылает нам мысли?

Теперь возникает вопрос, который люди задавали задолго до появления нейрофизиологии: откуда вообще приходят мысли? Все ли они наши?

Преподобный Иоанн Кассиан писал о трёх началах помыслов: от Бога, от диавола и от нас самих. В православной традиции известно и ангельское

служение человеку. Но не нужно пытаться по каждому ощущению безошибочно определить невидимого отправителя. Гораздо важнее трезво увидеть, куда ведёт предложение: к любви, правде и смирению или к гордости, лжи и греху.

Но оно не позволяет и забыть о духовной борьбе. Искушение часто не выглядит как прямой приказ сделать зло. Оно предлагает объяснение, почему зло якобы будет полезно.

Человек думает: «Мне тяжело, я заслужил отдых». Сама потребность отдохнуть естественна. Но следом приходит другая мысль: «Выпей, хотя знаешь, чем это обычно заканчивается. Пропусти важное дело. Завтра всё исправишь». И человек уже начинает помогать соблазну своими доводами.

Или он видит красивую женщину. Красота привлекает взгляд. Но затем он добровольно удерживает в уме блудный образ, украшает его подробностями, ищет случая приблизиться к греху. Сначала было впечатление; потом он начал кормить желание.

Наш биоскафандр откликается на увиденное и воображаемое: меняются дыхание, внимание, телесные ощущения. Но отклик тела не должен становиться повелением душе. Именно поэтому необходимо бодрствовать над помыслами и чувствами одновременно. Страстное движение следует замечать в самом зародыше и с Божией помощью отсекать, не превращая его в услаждение.

При этом не всякую тревогу следует считать знаком бесовского искушения, а всякое приятное чувство — знаком добра. Совесть иногда обличает болезненно. Привычный грех, напротив, может уже почти не беспокоить. Поэтому проверять мысль нужно не только по ощущению, которое она вызывает, но и по тому, куда она ведёт: к правде или лжи, к любви или ненависти, к милосердию или жестокости.

И ещё одно различие необходимо помнить. Навязчивые мысли, тревожные состояния, истощение и болезни могут тяжело ограничивать способность человека управлять вниманием и поведением. Это не то же самое, что свободное согласие на зло. Болезнь требует помощи, иногда медицинского лечения; духовная жизнь не отменяет заботы о здоровье.

Мозг — источник мысли или её приёмник?

Мы привыкли говорить: мысль родилась в голове. Но откуда мы знаем, что именно там она родилась, а не там впервые проявилась в доступной нам форме? Это разные вещи. И для меня это различие имеет огромное значение.

Никто не спорит с тем, что мозг участвует в мышлении. Мы запоминаем, узнаём лица, говорим, читаем, решаем задачи. Нервные клетки передают сигналы, а приборы регистрируют изменения мозговой активности. В 2023 году американский исследователь Джерри Танг (Jerry Tang), занимавшийся изучением обработки языка и мозговой активности в Техасском

университете в Остине, совместно с коллегами опубликовал в журнале Nature Neuroscience исследование: после специального обучения компьютерная система смогла частично восстанавливать смысл воспринимаемой и воображаемой речи по данным функциональной магнитно-резонансной томографии. Исследование требовало сотрудничества участников и не позволяло произвольно читать чужие мысли. Источник: Tang J., LeBel A., Jain S., Huth A. G. Semantic reconstruction of continuous language from non-invasive brain recordings. Nature Neuroscience. 2023;26:858–866. DOI: 10.1038/s41593-023-01304-9.

Что это показывает? Содержание мыслительной деятельности отражается в работе мозга. Но означает ли обнаружение такого отражения, что мысль первоначально родилась именно там? Я не вижу оснований делать такой вывод. Если радиоприёмник воспроизводит голос, электрические сигналы внутри прибора ещё не доказывают, что говорящий находится внутри него. Аналогия не раскрывает устройство души, но помогает поставить вопрос, который для меня принципиален: где источник мысли и как она становится доступной нашему физическому телу?

Я верю, что мозг служит сложнейшим приёмником и посредником между душой и физическим телом. Он участвует в восприятии, обработке, удержании и выражении мысли. Поэтому наблюдать её мозговое сопровождение естественно. Но наблюдать мысль в

мозге — не то же самое, что установить место её первоначального рождения.

Откуда же она берётся? Я убеждён, что человек способен мыслить как духовная личность: мысль может исходить из самой души. Но не всякое побуждение, которое приходит в наш ум, обязательно рождается только в нас. Святоотеческая традиция учит различать помыслы от нас самих, от Бога и от враждебных духовных сил. Добрые ангелы также могут служить Божиими вестниками. Это не означает, что всякий внезапный образ надо объявлять ангельским или бесовским внушением. Но духовное происхождение некоторых помыслов нельзя исключить только потому, что прибор одновременно регистрирует работу мозга.

Я хочу поставить ещё один вопрос. Что говорит об этом наша вера? Если душа человека не уничтожается со смертью тела, прекращает ли она мыслить? Или она продолжает помнить, узнавать, понимать и обращаться к другим?

В Евангелии Христос рассказывает о богаче и нищем Лазаре (Лк. 16:19–31). После смерти богач узнаёт Авраама и Лазаря, обращается к Аврааму, вспоминает своих пятерых братьев, просит предупредить их. Обратите внимание: он помнит земную жизнь, понимает ответы, рассуждает и просит. В этом евангельском повествовании сознательная жизнь не исчезает с прекращением телесной.

А теперь вспомним другого Лазаря — праведного Лазаря Четверодневного, друга Христова. Господь

воскресил его, когда тело уже четыре дня находилось во гробе (Ин. 11). Евангелие не пересказывает его воспоминаний о загробном мире. Но православное предание сохранило рассказ, что после воскресения Лазарь почти не улыбался; предание связывают с тяжестью увиденного им за пределами земной жизни. Я не стану приписывать Лазарю слов, которых он нам не оставил. Для меня здесь важно иное: Церковь хранит память о человеке, который действительно умер и был возвращён Господом к жизни.

Есть и более прямые рассказы о людях, которые после возвращения говорили о том, что видели. Святитель Григорий Двоеслов в четвёртой книге «Собеседований» повествует о монахе Петре: тот, согласно рассказу, умер во время болезни, видел места мучений, слышал слова ангела и вернулся к жизни. Увиденное он помнил; последующая его жизнь изменилась. Я читаю этот рассказ прежде всего как свидетельство православной церковной письменности о сознательном восприятии и памяти после смерти.

В Волоколамском патерике передаётся рассказ преподобного Пафнутия Боровского о монахине, которая умерла во время поветрия, а после возвращения к жизни поведала об увиденных людях — одних в блаженстве, других в мучениях. В Киево-Печерском патерике рассказывается о преподобном Афанасии Затворнике: братия сочла его умершим, но он ожил и призвал монахов спасаться и каяться. Он не открыл подробностей виденного и прожил после этого ещё

годы. Не нужно делать эти рассказы одинаковыми: в одном человек передаёт воспоминания, в другом хранит молчание.

Я принимаю эти православные церковные повествования всерьёз. Они не описывают работу нервных клеток и не являются лабораторными опытами; их смысл иной. В них душа предстаёт не безмысленной тенью, а личностью, способной воспринимать, помнить и понимать. Для моего рассуждения это существенно: если мыслительная жизнь сохраняется и за пределами земного тела, то нельзя без дальнейших вопросов отождествить её источник с мозгом.

Вот к какому выводу я прихожу. Если душа способна мыслить и помнить после разлучения с телом, то мозг не может быть единственным источником самой способности мыслить. Он необходим для нашей земной жизни, для восприятия и выражения мысли через биоскафандр. Но источник мыслительной жизни я вижу глубже — в самой душе, а духовное воздействие на неё допускаю со стороны Бога, добрых ангелов и падших духов.

Конечно, у человека с повреждением мозга могут нарушаться речь, память и способность рассуждать. Известны случаи тяжёлой гидроцефалии, при которой человек продолжал жить и общаться, а также удивительные примеры приспособления мозга после удаления полушария. Эти наблюдения показывают сложность и гибкость нашего телесного органа. Для

меня они становятся дополнительным поводом задуматься, насколько полно мы понимаем его связь с личностью.

Как именно духовная мысль становится доступной мозгу? Каким образом она отражается в электрической и химической деятельности нервных клеток? Я не знаю. Возможно, науке ещё предстоит многое открыть об этой связи. Но отсутствие объяснения сегодня не означает, что духовной стороны мысли не существует.

И здесь я возвращаюсь к главному. Каким бы ни было происхождение пришедшего помысла, его нельзя оставлять без внимания. Увидев недоброе движение, нужно не рассуждать с ним и не услаждаться им, а сразу отвергнуть его и обратиться к Богу. Мозг может отразить мысль, тело — откликнуться чувством; но человеку важно не дать страсти захватить сердце.

Христианство говорит о человеке как о единстве души и тела. Поэтому образ биоскафандра не означает, что тело — ошибка или ненужная оболочка: оно дано Богом и призвано к воскресению. Я не отвергаю мозг и его удивительную работу. Но верю, что источник мыслительной жизни не исчерпывается нервной тканью и что душа не перестаёт быть мыслящей личностью за пределами земной жизни.

Трезвение: отсечь помысел и чувство в зародыше

Но как быть, если недобрая мысль уже появилась? А если первым пришло не рассуждение, а чувство — обида, раздражение, зависть, блудное влечение?

Именно здесь и нужно бодрствовать. Не ждать, пока страсть созреет в намерение, и тем более не утешать себя тем, что внешнего поступка ещё нет.

Представьте, что на компьютер приходит подозрительное письмо. Можно открыть его, перейти по ссылке, разрешить неизвестной программе действовать от вашего имени. А можно не открывать вовсе. Для меня этот образ важен именно в последнем: злому помыслу не нужно давать даже первого добровольного согласия.

Святые отцы учили хранить ум и сердце. Страсть не всегда приходит как готовая фраза. Иногда это мгновенное движение самолюбия, сладость от чужого унижения, желание задержать блудный образ, вспышка раздражения. Если начать рассматривать такое движение, спорить с ним и мысленно возвращаться к нему, человек уже даёт ему пищу. Поэтому задача — не только отказаться от греховного поступка, но и не допустить укоренения греха внутри.

Именно здесь я вижу особую силу Иисусовой молитвы. Её можно образно назвать духовным антивирусом, но молитва — не программа и не магическая формула. Это обращение к живому Христу. Она помогает собирать рассеянное внимание, замечать чуждые любви помыслы и чувства и просить у Господа помощи, чтобы немедленно отсечь их.

> *«Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, помилуй мя, грешного».*

Пришло раздражение — не продолжать мысленный спор. Появилась обида — не лелеять своё уязвлённое

самолюбие. Возник блудный образ — не задерживать его ради сладости. Нужно сразу обратиться к Господу, отвернуться от соблазна и вернуться к тому, что полезно и необходимо. Если помысел вновь нападает, снова отсечь его, а не соглашаться на внутреннюю беседу.

Важно различать непроизвольное первое движение и сознательное пребывание в страсти. Не всякая мгновенная боль от несправедливости сама по себе означает гордость; но когда человек начинает наслаждаться обидой, доказывать в уме собственное превосходство и желать возмездия, самолюбие уже получает власть. Точно так же неожиданное телесное возбуждение не следует путать с добровольным услаждением блудным образом. Борьба направлена на то, чтобы не дать страсти места в сердце — и в мыслях, и в чувствах.

Такое бодрствование святые отцы называли трезвением. Это не нервная слежка за каждым движением организма и не попытка силой подавить всякое чувство. Это внимание к направлению собственной воли, молитва, покаяние и постоянное возвращение ко Христу. В сложных духовных вопросах нужен опытный совет; болезнь, навязчивые состояния и зависимость могут требовать медицинской помощи. Святитель Игнатий Брянчанинов предупреждал об опасности духовного самообмана: не следует принимать всякое необычное переживание за откровение.

Я сравниваю Иисусову молитву ещё и с лакмусовой бумагой. Человек начинает молиться — и замечает, как ум тянется к старой обиде, как сердце ищет сладости от тщеславия или как воображение возвращает соблазн. Молитва помогает увидеть эти движения, не оправдывать их и просить Господа очистить сердце. Смысл не в том, чтобы часами разбирать каждую дурную мысль, а в том, чтобы своевременно её отвергать.

Главное — не научиться угадывать происхождение каждого помысла и не ограничиваться внешней сдержанностью. Главное — с Божией помощью хранить ум и сердце, не давая страсти укорениться.

Что останется после мысли

Вспомним сообщение, с которого начался наш разговор. Человек мог прочитать его и сразу заметить, как поднимается обида. Если он обратится к Богу и не станет развивать внутренний спор, он не даст страсти разрастись. А если начнёт вновь и вновь разжигать обвинение, то даже без единого произнесённого слова будет воспитывать в себе злопамятство.

Так из принятого помысла вырастает внутреннее согласие, из согласия — поступок, из повторённых поступков — привычка. Но начало этой цепи можно встретить у самого порога. Для этого и нужно трезвение.

Мы уже размышляли о том, каким может оказаться духовный облик души, если её внутренние качества станут видимыми. Теперь представьте: этот облик

создаётся не только в редкие минуты великих решений. Он меняется в повседневности — когда мы выбираем, продолжать ли внутреннюю ложь, поддаваться ли зависти, позволять ли похоти вести нас за собой.

Иногда всё начинается с одного почти незаметного «да» — когда человек задерживается на страсти. А возвращение к Богу может начаться с такого же тихого и решительного «нет», произнесённого в сердце вместе с молитвой.

Мы не можем по своей воле запретить всякому непрошеному помыслу появляться. Но можем учиться с Божией помощью не принимать его, не беседовать с ним и не давать ему становиться нашим желанием.

Вот почему вопрос, с которого началась глава, так важен: мысль пришла. Но дал ли я ей место в сердце?

Глава 6. Когда желание становится господином

Человек может оказаться во власти желания, которого минуту назад даже не было. Он занимался делом, ни о чём подобном не думал — и вдруг возникло воспоминание. Лицо. Запах духов. Случайная картина из прошлого. Женщины рядом нет, никто его не касается. Но тело уже отвечает на то, что существует лишь в памяти. Проходит несколько минут, первое воспоминание почти стёрлось, а возбуждение не исчезло. Наоборот, теперь оно само напоминает о себе, возвращает мысли к прежнему образу и требует продолжения.

Как это возможно? Почему образ, которого нет перед глазами, способен изменить состояние живого тела? И почему человек, который мог отвергнуть первое движение, спустя время обнаруживает, что бороться стало значительно труднее?

Ответ важен не только для борьбы с блудной страстью. По сходному принципу могут разгораться гнев, обида, зависть, жажда удовольствия. Чтобы понять происходящее, нужно посмотреть на человека целиком — не как на один мозг и не как на бесплотную мысль.

Человек и его биоскафандр

Я исхожу из православного понимания человека как единства души и тела, а также из святоотеческого

различения в человеке душевного и духовного. Апостол Павел говорит о духе, душе и теле (1 Фес. 5:23). При этом святые отцы не всегда описывают их как три отдельные самостоятельные сущности: нередко духом называют высшую, обращённую к Богу сторону жизни души. Для моего рассуждения это различие существенно.

Тело я называю биоскафандром. Это не мёртвая машина, к которой случайно присоединили человека, а удивительно устроенный живой организм: нервные пути, сосуды, железы, мышцы, органы чувств, непрерывные химические реакции. Через него человек видит мир, действует, трудится, обнимает ребёнка, произносит слово утешения. Но через него же он ощущает голод, усталость, боль, влечение и страх.

Я верю, что человек не исчерпывается этим организмом. Душа — не просто название для химических реакций. Она мыслит, желает, отвечает за выбор. Мозг же я рассматриваю как посредника между внутренней жизнью человека и его телесным действием. И потому мне важно понять, как внутреннее движение человека отражается на работе организма.

Когда я говорю о духе, важно не спутать две вещи. Дух человека — не бес и не Святой Дух, попеременно поселяющиеся на его месте. Человек имеет собственную духовную жизнь и свободу. Но он может внимать Богу, принимать благодатную помощь, а может поддаваться злым внушениям. Поэтому вопрос «каким духом я руководствуюсь?» — это прежде всего вопрос о том,

чьему воздействию я открываю волю и к чему направляю жизнь.

Образ, которого нет, и тело, которое отвечает

Вернёмся к мужчине, внезапно вспомнившему женщину. Никакого внешнего зрительного раздражителя нет. Однако мозговые системы памяти и воображения могут воспроизвести её образ. Если этот образ приобретает для человека сексуальное значение, в работу включаются системы внимания, мотивации и вегетативной регуляции, в том числе области гипоталамуса и связанные с ними нервные пути.

Далее по нервным путям передаются сигналы к телу. В половых органах нервные окончания выделяют химические посредники; один из важнейших — оксид азота, участвующий в расслаблении гладких мышц сосудов и изменении кровотока. Так внутренний образ может сопровождаться вполне физическим возбуждением. Не обязательно сперва увидеть женщину: достаточно воспоминания, фантазии, а иногда запаха, связанного с прежним опытом.

Но самое поразительное начинается потом. Возбуждённое тело не молчит. От него поступают новые сигналы в нервную систему. Человек замечает своё состояние; внимание вновь возвращается к сексуальной теме; появляются новые образы. Они могут ещё сильнее поддержать возбуждение. Первое впечатление давно исчезло, а круг продолжает вращаться.

Здесь мы видим не мистику и не доказательство того, что каждый помысел обязательно рождается в мозге. Мы видим установленную физиологическую возможность: мысленный образ способен менять состояние тела, а состояние тела — влиять на дальнейшие ощущения, внимание и мысли. Точная последовательность и сила реакции у разных людей различаются.

Круг, который человек может разорвать

Схема показывает возможную петлю взаимного усиления. Она не означает, что возбуждение неизбежно ведёт к греху или что человек уже лишён свободы. Но чем дольше он сознательно возвращается к соблазнительному образу и питает его, тем сильнее может становиться влечение.

То, что святые отцы увидели без лабораторий

Древние подвижники не знали названий нейромедиаторов и не измеряли электрическую активность нейронов. Но они внимательно наблюдали за тем, что происходит с человеком, когда он начинает беседовать со страстным помыслом. Они знали: сначала помысел кажется чужим и слабым; затем человек задерживает на нём внимание, услаждается им, соглашается — и борьба становится труднее.

В «Главах о любви» преподобный Максим Исповедник, рассуждая о причинах страстных помыслов, прямо упоминает состояние тела и его изменение, в том числе связываемое им с действием

демонов (третья сотница, главы 74 и 92). Это особенно важно: у святого отца речь идёт не только о мысли, после которой меняется тело, но и о состоянии тела, после которого возникают помыслы.

У преподобного Иоанна Лествичника и других аскетических писателей многократно звучит призыв не вступать в беседу с искушающим помыслом, а отсекать его при первом появлении.

Почему же нужно действовать в самом начале? Потому что первый помысел ещё не равен согласию человека. Но если мы начинаем намеренно удерживать образ, возвращаться к нему, разжигать его, то к духовному услаждению присоединяется телесное возбуждение. Оно, в свою очередь, способно снова привлечь внимание к помыслу. Так человек собственными уступками помогает страсти укрепляться.

Здесь современное знание физиологии не заменяет духовного опыта отцов и не доказывает существование бесов лабораторным способом. Оно позволяет увидеть один из телесных механизмов, благодаря которому их предупреждение о промедлении оказывается столь практически понятным.

Откуда приходит первый помысел?

Вот вопрос, на котором я не хочу останавливаться только потому, что лаборатория пока не умеет на него ответить. Откуда возникает сама мысль? Я исхожу из того, что человек обладает душой, способной мыслить

самостоятельно. Но православная аскетика различает и помыслы, возникающие в самом человеке, и внушения, которые подвижники связывали с действием злых духов, и благие движения, обращающие человека к Богу.

Вспомним церковное предание о святителе Иоанне Златоусте. Согласно житию святителя Прокла, тот видел апостола Павла, склонившегося к уху Златоуста, когда святитель писал толкования апостольских посланий. Для меня это свидетельство Предания о возможности духовного содействия человеку. Но оно не объясняет, какой именно физический процесс сопровождал такое содействие.

Современные нейроинтерфейсы умеют регистрировать электрические сигналы мозга и распознавать некоторые намерения человека: например, попытку произнести слово. Электроды измеряют разности потенциалов, прибор переводит сигнал в цифровые данные, а программа сопоставляет их с изученными образцами. Существуют и способы воздействовать на нервную ткань электрическими или магнитными импульсами. Но это не означает, что учёные уже обнаружили особую электромагнитную волну, несущую мысль от души или духовного существа.

Я вижу здесь не готовый ответ, а направление исследования. Мы знаем, что в мозге мыслительная деятельность сопровождается измеримыми физическими процессами. Мы знаем, что через эти процессы мозг способен управлять телом. Но вопрос о

том, исчерпывается ли ими сама мысль, остаётся глубже технической задачи считывания сигналов.

Православная вера говорит о жизни души за пределами земного существования. Евангельский рассказ о богаче и Лазаре показывает сознательное переживание после смерти (Лк. 16:19–31).

Зачем тогда пост и трезвение?

Если тело способно поддерживать страстное движение, становится понятнее, почему отцы учили не только наблюдать за помыслами, но и воспитывать тело. Пост — не ненависть к плоти и не стремление довести человека до болезни. Это добровольное воздержание, возвращающее телесным желаниям меру и освобождающее внимание для молитвы и любви. Суровые подвиги древних монахов нельзя механически превращать в правило для больного, ребёнка или человека, несущего тяжёлый труд.

Тело создано Богом, и в самом голоде или половом возбуждении нет автоматического нравственного приговора. Грех начинается не от одного непроизвольного ощущения, а там, где человек сознательно принимает и питает то, что противоречит заповеди. Поэтому борьба направлена не против существования тела, а против его господства над волей.

Святые отцы советовали отсекать помысел в зародыше. Не вступать с ним в спор, не рассматривать соблазн со всех сторон, не проверять, насколько далеко можно зайти. Заметил — отверг. Перевёл внимание.

Обратился к Богу. В нашей молитвенной жизни звучат слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне и Слове Божий, помилуй мя, грешного». Молитва здесь не кнопка для отключения гормонов, а обращение живого человека к Живому Богу.

Если же человек уже увлёкся, это ещё не значит, что он обречён уступить. Можно остановиться, изменить обстоятельства, прекратить подпитывать воображение, попросить помощи, покаяться.

Кто в конце концов распоряжается человеком?

Меня интересует не только блудная страсть. Вспомни обиду: одно слово — и тело напряглось, сердце забилось быстрее. Разум уже знает, что собеседник мог ошибиться, но внутри продолжается спор. Мы мысленно произносим ответ, снова переживаем унижение, ещё сильнее раздражаемся. И здесь первоначальное событие давно закончилось, а внутренний круг всё ещё работает.

Так же бывает с жаждой похвалы, с гневом, с привычкой искать утешение в удовольствии. Биоскафандр служит человеку, но человек может начать служить биоскафандру. Тогда не совесть определяет поступок, а первое требование ощущения: хочу — значит, должен получить.

Именно здесь возникает духовный выбор. Чему я позволю руководить собой? Не всякий внутренний голос достоин послушания. Не всякое сильное чувство говорит правду. Не всякая мысль, появившаяся в сознании,

выражает мою волю. Я могу рассмотреть её перед Богом и отвергнуть то, что ведёт ко злу.

Величие человека не в том, что он никогда не испытывает искушения. Величие — в возможности не стать его рабом. Тело способно возбуждаться, память — возвращать образы, привычка — требовать повторения. Но человек призван не только переживать эти движения. Он призван выбирать, кому отдаёт сердце.

И если мы научимся замечать самое первое движение страсти, прежде чем оно превратится в привычный круг, мы поймём практический смысл древнего совета: не выращивай в себе то, с чем потом придётся сражаться всеми силами. Отсекай зло в зародыше — и обращай свою свободу к Богу.

Глава 7. Что общество поощряет

Представьте человека, который приходит на работу и обнаруживает ошибку в документах. Если он скажет правду, сделку могут отложить, начальник рассердится, а премии не будет. Если промолчит — все останутся довольны. Никто не приказывает ему лгать. Ему только дают понять, что здесь ценят людей, которые «не создают проблем».

Он ещё ничего не решил. Но общество уже высказалось: честность похвальна в речах, а удобная ложь выгодна на деле. И когда человек всё-таки промолчит, виноват будет не один начальник и не один порядок. Он сам согласился. Однако порядок, который вознаграждает обман, тоже не невинен: завтра перед тем же выбором окажется другой.

В предыдущей главе я говорил о том, как помысел, однажды принятый человеком, способен разрастись в страсть. Теперь хочу посмотреть шире. Что происходит, когда страстям человека начинает служить целое общество? Когда гордость называют достоинством, жадность — успехом, равнодушие — деловитостью, а умение переступить через ближнего — жизненной хваткой? Тогда отдельному человеку приходится бороться не только со своим желанием. Ему предлагают считать это желание нормой.

Я иногда представляю весь род человеческий как одного человека, прожившего тысячелетия. Он видел войны и милосердие, слышал проповедь, читал

Евангелие, знал примеры святых. Он знает, чем заканчивается предательство, — и снова предаёт. Знает, что богатство не избавляет от смерти, — и снова живёт так, будто сумеет купить себе вечность. Это образ, а не утверждение, что у человечества одна душа. Каждый отвечает за себя. Но каждый рождается среди уже сложившихся привычек, правил и оправданий, которые начинают воспитывать его раньше, чем он научится их оспаривать.

Вспомним блудного сына. Он получил желаемое, ушёл от отца и расточил наследство. Беда началась не тогда, когда у него закончились деньги, а когда он решил, что жизнь вдали от отца будет настоящей свободой. Разве не так поступает и человеческий род, когда принимает дары Божии, но забывает Подателя? Мы всё лучше устраиваем земной дом и всё реже спрашиваем, куда идём из него.

Ребёнку говорят: «Не обманывай». Но потом он видит, как взрослые восхищаются тем, кто хитростью получил больше других. Ему говорят: «Помогай слабым». Но он замечает, что уважение достаётся сильному и богатому, а больного и старого стараются не замечать. Слова учат одному; награда за поступки — другому. И этот второй урок нередко оказывается сильнее.

Почему так трудно сказать правду против большинства? Американский психолог Соломон Аш исследовал давление группы в опытах с простым сравнением длины линий. Человек видел очевидный ответ, но другие участники единодушно называли

неправильный. И часть испытуемых соглашалась с большинством хотя бы в некоторых ответах. Это не доказательство, что большинство всегда ошибается. Это напоминание: даже когда речь идёт о видимой линии, чужое единодушие способно повлиять на произнесённые нами слова. А что будет, когда за правду можно потерять работу, положение или друзей?

Но давление не отменяет свободы. В книге Деяний одни слушатели принимают апостольскую проповедь, другие насмехаются, третьи обещают послушать в другой раз (Деян. 16; 17:32–34). Даже слово апостола не превращает человека в безвольный механизм. Тем более нельзя оправдывать собственную неправду тем, что «так принято». Я могу оказаться первым, кто откажется лгать. И тот, кто придёт после меня, увидит, что иной поступок возможен.

Однако нельзя строить общество так, будто для всякого честного действия требуется подвиг одиночки. Если работник должен выбирать между совестью и хлебом для детей, значит, неправильно устроены не только его личные отношения с начальником. Порядок, в котором за обман награждают, а за правду наказывают, нуждается в перемене. Руководитель может прекратить требовать ложных отчётов, сделать сообщение об ошибке безопасным и прежде всего сам подчиниться установленному правилу. Тогда добро перестанет быть исключением, за которое приходится расплачиваться.

Здесь мы подходим к главному вопросу «Архитектуры будущего». Можно придумать красивые законы, но кто станет по ним жить? Если в душе человека господствуют тщеславие, алчность и жажда власти, он найдёт способ использовать даже справедливый закон в собственных интересах. Поэтому я начинаю не с устройства государства. Я начинаю с покаяния, борьбы со страстями, церковной жизни и любви к ближнему. Не изменив человека, мы рискуем лишь дать старым страстям новые учреждения.

Но и обратная ошибка опасна. Нельзя сказать: «Пусть каждый спасает свою душу, а общественный порядок меня не касается». Человек живёт среди других. Закон, труд, дорога, больница, приход, семья — всё это либо помогает ему исполнить долг любви, либо ставит на его пути препятствия. Общество не заменяет Христа и не становится посредником между Богом и человеком. Оно лишь создаёт условия, в которых человеку предстоит отвечать на Божий призыв.

В первой книге я подробно говорил о другом устройстве общества: о дорогах, помощи отдалённым семьям, сохранении больниц, защите природы, о том, что жизнь человека нельзя оценивать только коммерческой окупаемостью. Не стану здесь повторять эти решения. Важнее спросить: какой человек способен их осуществить? Ведь даже прекрасный закон можно обойти, если в сердце живёт корысть. А любящий человек не станет считать бесполезным того, кто не приносит прибыли.

Кто-то возразит: один человек не изменит такой огромный мир. Но с чего начинается всякая перемена? Христос уподобил Царство Небесное закваске, которую женщина положила в тесто, и заквасилось всё (Мф. 13:33). Пророк Иона проповедовал Ниневии, и жители услышали призыв к покаянию. Апостолы не начинали с большинства и не ждали, пока мир станет удобным для Евангелия.

В житии святителя Григория Чудотворца, переданном святителем Димитрием Ростовским, рассказывается, что в начале его служения в Неокесарии было лишь семнадцать христиан. Перед кончиной святитель спросил, сколько жителей ещё остаются язычниками, и услышал то же число. В житии этот образ подчёркивает силу долгого пастырского труда. Для меня важно не вычислить по нему формулу общественного обращения, а увидеть человека, который не отказался от дела потому, что вначале рядом с ним были немногие.

Капля дождя не похожа на ливень. Но дождь состоит из капель. Один человек отказывается участвовать в обмане. Другой, увидев его, решается сказать правду. Третий помогает тому, кто за правду пострадал. Возникает община, в которой уже не нужно оставаться одному. Добро, прежде зависевшее от исключительной смелости, становится общим правилом жизни.

Значит ли это, что перемена возможна только снизу? Нет. Решение правителя тоже может открыть дорогу: прекратить гонения, защитить нуждающихся, создать условия для проповеди и честного суда. На Руси

христиане жили ещё до князя Владимира. Но его крещение и крещение киевлян изменили положение веры в обществе. И всё же один княжеский указ не мог заменить личного обращения тысяч людей. Христианизация продолжалась через служение, учение, семьи и общины.

Поэтому в первой книге я рассматривал переходную роль православного царя. Я вижу её не в том, чтобы навсегда поставить одного человека над совестью всех остальных, а в том, чтобы помочь сложиться обществу, способному жить по Евангелию. Если народ не учится правде, ответственности и взаимной помощи, смена формы власти сама по себе не спасёт его. А если люди действительно меняются, должны меняться и правила общей жизни.

В таком обществе важны не только личные добродетели правителя, но и правдивый суд, ответственность общин, соборное обсуждение трудных вопросов, возможность исправлять ошибки власти. Ни единоличное решение, ни голосование сами по себе не делают поступок праведным. Важнее, служит ли власть истине, защищает ли слабого и способна ли признать собственную неправду.

Но всё это возвращает меня к вопросу, от которого невозможно уйти: кто же такой человек, способный изменить общество? Не должность, не кошелёк, не набор привычек. Сам человек. Из чего он состоит? Мы привыкли смотреть на своё отражение и говорить: вот я.

Но в зеркале видно лишь физическое тело. А разве им исчерпывается наше существо?

Я вижу человека как единство трёх составляющих: тела, души и духа. Именно составляющих. Не трёх случайно соединённых предметов, не трёх отдельных жильцов одного дома. Они различны по своей природе, но составляют одного человека. Чтобы выразить это единство, мне приходит на ум образ Святой Троицы: Отец, Сын и Святой Дух — не три бога, а один Бог. Я не отождествляю человеческое существо с Божественной Троицей; я пытаюсь через знакомый верующему образ показать, почему различие составляющих ещё не означает разделения личности.

Первая составляющая — физическое тело. Я называю его биоскафандром. Скафандр нужен человеку, чтобы действовать в среде, для которой он сам по себе не приспособлен. Так и тело позволяет душе видеть мир глазами, слышать ушами, говорить, прикасаться, работать, обнимать ребёнка, подавать руку упавшему. Мозг, нервы, сердце, кровь — всё это составляет поразительно сложный живой организм. Но я убеждён: этот организм не исчерпывает того, кто говорит «я».

Вторая составляющая — душа. В ней я вижу сознание и разум человека, его память, чувства, волю. Душа не просто получает ощущения от тела. Она осмысливает их, вспоминает прошлое, представляет будущее, различает, чего желает, и выбирает, что делать. Она способна сказать помыслу «да», а способна отвергнуть его. В этом и заключается страшная ответственность

нашей свободы: нельзя бесконечно оправдываться тем, что «все так делают» или «меня вынудили обстоятельства». Решение всё равно проходит через меня.

Тело и душа не живут порознь. Испуг меняет дыхание и сердцебиение; усталость делает нас раздражительными; услышанное слово может вызвать слёзы. И наоборот, принятое решение заставляет руки действовать, ноги идти, язык произносить то, что душа сочла нужным. Я уже говорил об этом в предыдущих главах, когда рассматривал помысел, телесный отклик и привычку. Но остаётся третья составляющая, без которой моя картина человека неполна.

Что такое дух? Я говорю не о настроении, не о красивом слове «духовность» и не просто о совести. В моём понимании дух — реальная составляющая человеческого существа. Человек не только мыслит и действует: он открывает себя тому духовному началу, с которым желает соединиться и которым будет руководствоваться. Я вижу здесь два противоположных пути: принять в себя действие Святого Духа или подчиниться духу лукавого. И речь для меня не о внешнем советчике, который время от времени шепчет человеку на ухо. Речь о том, чем наполняется его внутренняя жизнь, что становится частью его существования.

Душа выбирает. Это особенно важно. Не физическое тело решает, кому служить. Не случайное желание окончательно определяет человека. Разумная душа,

слыша помысел, соглашается с ним или отвергает его; повторяя выбор, она всё глубже открывает себя одному из этих начал. Если человек полюбил ложь, ненависть, гордыню, если он сознательно кормит их каждый день, зло перестаёт казаться ему чужим. Оно становится привычным, желанным, почти родным. Но ведь и любовь к Богу может стать для человека не редким порывом, а самой жизнью.

Вот почему я не могу удовлетвориться призывом «веди себя хорошо». Человек может улыбаться, когда ненавидит, давать милостыню ради похвалы, произносить молитвы, не желая расстаться с грехом. Внешнее поведение изменилось — а что произошло внутри? Настоящее преображение, о котором я говорю, касается всего человека. Душа отвергает власть лукавого и стремится стяжать Святого Духа; тогда преображаются её мысли, желания, поступки, а через них и жизнь тела. Не новая маска поверх прежнего человека, а перемена самого его существа.

Апостол Павел называет дух, душу и тело (1 Фес. 5:23). Он же говорит: «Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?» (1 Кор. 3:16). Вдумайтесь: не только Бог где-то далеко наблюдает за человеком, но Дух Божий может пребывать в нём. А ещё апостол говорит: «А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом» (1 Кор. 6:17). Для меня это слова о глубочайшем, подлинном единстве с Богом. Поэтому я и говорю о преображении не как об одной лишь

нравственной дисциплине, а как о новой жизни всего человека.

Преподобный Серафим Саровский учил о стяжании Святого Духа как о цели христианской жизни. В беседе с Николаем Мотовиловым сохранилось свидетельство о необыкновенном свете, которым был озарён святой. Представьте: мы привыкли считать тело непреодолимой границей духовного мира, а церковное предание говорит о человеке, чья близость к Богу стала видимой даже другому. Мне важен не поиск чудес ради чудес. Мне важно, что преображение может начаться здесь, в земной жизни, и касаться всего человеческого существа.

А теперь подумайте о молитве. Человеку достаточно мысленно обратиться к Богу: «Отче наш, Иже еси на небесех», — и его обращение уже перед Небесным Отцом. Для этой связи не существует расстояний. Мысль словно мгновенно достигает Бога. И вот удивительное: нас не разделяет пространство, но мы сами можем воздвигнуть преграду в собственном сердце.

Но если эта связь так удивительна, почему мы сами мешаем ей? Представьте: человек подходит к вам, приветливо улыбается, протягивает руку и говорит о дружбе. А за спиной, в другой руке, держит нож. Он собирается ударить вас, едва представится возможность. Что значат его улыбка и приветствие? Это не дружба, а лицемерие.

И вот мы произносим: «Отче наш». Просим помощи, прощения, любви. А что держим за спиной? Ненависть к

соседу? Желание отомстить? Готовность обмануть того, кто нам доверяет? Разве не похожи мы порой на человека с ножом, который протягивает Богу руку и уверяет в своей любви? Мы обращаемся к Отцу, но душой продолжаем соглашаться с лукавым.

Я сравниваю это с помехами в связи. Представьте, что вы хотите передать самое важное послание, а в разговор вторгается чужой шум. Не потому, что Бог не способен узнать наши мысли. Он знает их прежде наших слов. Но наше сердце бывает разделено: устами мы зовём Бога, а волей цепляемся за то, что Ему противно. И тогда молитва становится не встречей любящих, а попыткой совместить несовместимое. Пророк Исаия говорит о беззакониях, которые производят разделение между человеком и Богом (Ис. 59:1–2).

Но не надо делать из этого страшный вывод, будто грешнику уже нельзя молиться. Напротив! Вспомните мытаря, который стоял вдали и просил: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!» (Лк. 18:13). Он не прятал нож за спиной и не изображал праведника. Он признал своё состояние и попросил милости. Покаяние и есть тот поворот души, когда человек перестаёт оправдывать зло, которое прежде любил.

Теперь вернёмся к обществу. Если в человеке преобладают гордость, корысть и зависть, он перенесёт их в любое учреждение, в любую общину и в самый справедливый закон. Он найдёт способ поставить власть себе на службу. Но если душа человека выбирает Бога, если он стремится жить Святым Духом, то и ближний

перестаёт быть для него соперником, средством наживы или помехой. Он становится тем, кого надо любить. Отсюда рождается совсем иной порядок человеческих отношений.

В Откровении Иоанна Богослова я вижу удивительный образ: «Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними» (Откр. 21:3). Новый Иерусалим. Не хочу угадывать, когда и каким образом исполнится это видение. Но разве не поразительно его созвучие с тем, о чём я писал в «Архитектуре будущего»? Основание новой жизни — не выгода и не страх, а пребывание с Богом. Люди, соединённые любовью к Нему, учатся по-новому жить друг с другом. И новое общество может начинать вызревать среди старого — в тех же городах, семьях, на тех же улицах.

Не надо ждать, пока все вокруг станут святыми. Сегодня один человек отказывается от лжи, завтра другой перестаёт искать мести, третий помогает слабому, хотя никто не обещает ему награды. Они находят друг друга, поддерживают, создают общины, в которых добро перестаёт быть подвигом одиночки. Так личный духовный выбор постепенно становится общественной силой.

Но не слишком ли удобно говорить о будущем всего человечества, забывая о собственном дне? Я могу умереть завтра. И ты, читатель, не знаешь, когда закончится твоя земная жизнь. С чем мы предстанем перед Богом? Какому духу мы открывали себя? Какими мыслями жили, кого любили, кого предавали? Зачем

ждать Нового Иерусалима, чтобы начать преображаться? Начни сейчас. Ведь никто не сможет сделать этот выбор вместо твоей души.

Я не предлагаю новое Евангелие и не думаю, что благодать можно заменить устройством государства. Я спрашиваю: что произойдёт с человеческим обществом, если его участники не просто станут лучше соблюдать правила, а действительно преобразятся, будут стяжать Святого Духа и руководствоваться любовью к Богу? Тогда изменится не только то, что общество запрещает. Изменится то, что оно любит и поощряет.

И здесь разговор неизбежно подводит нас к ещё более трудному вопросу. Если общество способно привыкнуть к неправде, может ли подобное произойти там, где люди особенно ясно слышат слова Христа, — в церковной жизни? Если пастырь должен предупреждать об опасности, что происходит, когда предупреждение заменяется удобным молчанием? К этому вопросу нам и предстоит обратиться.

Глава 8. Что может заслонить Бога в церковной жизни

Человек может пройти мимо храма и не заметить его. Но бывает и другое: он входит в храм, крестится, ставит свечу, исповедуется, причащается — и всё же не замечает Христа. Не потому, что Господь скрылся. Потому, что между Ним и человеком вырастает нечто, чему мы сами позволили занять Его место.

Мне хочется обратиться прежде всего к себе. Зачем я прихожу в Церковь? Чтобы измениться, увидеть собственный грех, научиться любить Бога и людей? Или чтобы выполнить знакомые действия и успокоить совесть, не меняя жизни? Этот вопрос нельзя обойти ни мирянину, ни священнику, ни епископу. И чем выше церковное служение, тем тяжелее ответственность за тех, кто доверил пастырю свою душу.

По данным опросов Pew Research Center 2015–2016 годов, около 4,3 % взрослого населения России можно оценочно отнести к людям, которые называли себя православными и сообщали о еженедельном посещении богослужений. Это расчёт по опросным долям, а не прямой подсчёт прихожан и тем более не мера веры. Но разрыв между названием «православный» и постоянной церковной жизнью заставляет задуматься. Сколько людей знают слова молитвы, но не желают слышать заповеди? И какова ответственность тех, кто призван учить их покаянию?

Мы привыкли обсуждать недостатки мира. Но можем ли остановиться у дверей храма и сказать: здесь уже всё благополучно? Церковь — Тело Христово; однако люди, которым доверено служение, не перестают быть людьми, способными ошибаться, грешить и причинять боль. Обличение человеческого греха в церковной среде не есть обличение Христа. Напротив, именно верность Христу заставляет не закрывать глаза.

Представьте дорогу, по которой идут люди. Впереди — глубокая яма, наполненная огнём. Идущие её не видят. Вы видите. Что вы сделаете? Скажете: «Не стану тревожить, пусть каждый сам решает»? Или закричите, чтобы они остановились? Любовь не всегда говорит тихо. Иногда она предупреждает так громко, что человек обижается. Но молчание перед явной гибелью — не милосердие. Если пастырь видит, как его духовные дети идут к погибели, и боится назвать грех грехом, кого он бережёт — их или собственное спокойствие?

И всё же обличать легче, чем лечить. Человек снова приходит на исповедь с одним и тем же грехом. Бывает, он падает по немощи, ненавидит свой грех, борется, плачет и снова поднимается. Такому человеку нужен врач, а не судья, которому приятно карать. Но бывает и иначе: человек заранее решил продолжать зло, а исповедь воспринимает как удобное разрешение на следующую неделю. Разве можно назвать одинаковым покаянием эти два состояния? Если пастырь не

различает их, он рискует либо сломить кающегося, либо усыпить того, кто и не собирался меняться.

Древняя церковная дисциплина знала серьёзные епитимии. Правила Василия Великого различали тяжесть грехов и сроки покаянного исправления; в частности, правила 58 и 59 называют пятнадцать лет для прелюбодеяния и семь — для блуда. Шестой Вселенский, Трулльский, Собор в правиле 61 говорит об обращении к гадателям. Но церковные правила не были придуманы ради календаря наказаний. Василий Великий в правиле 74 допускает сокращение срока при подлинном раскаянии; правило 102 Трулльского Собора сравнивает духовника с врачом, который должен учитывать состояние больного. Здесь необходимы одновременно правда о грехе и любовь к человеку.

Что произойдёт, если епитимия станет способом показать власть? Если отлучением от Чаши будут угрожать за неудобный вопрос или отказ исполнить частное требование? Тогда духовное врачевание превращается в орудие принуждения. Но страшна и противоположная крайность: когда к Причастию относятся как к привычной услуге, не спрашивая, желает ли человек оставить грех. Апостол Павел предупреждает: «Да испытывает же себя человек» (1 Кор. 11:28). Святитель Иоанн Златоуст в семнадцатой беседе на Послание к Евреям говорит о чистой совести и чистом сердце приступающего. Святитель Василий Великий связывает приобщение Христу с решимостью жить ради Него. Не частота сама по себе, не внешний

обряд, а покаяние, вера и борьба с грехом должны вести человека к Чаше. Одно дело — падение по немощи и борьба, другое — сознательное решение продолжать зло.

Особенно тревожит меня то, как легко в церковной жизни может решаться вопрос о разрушенной семье. Муж и жена стоят перед Богом, дают обещание верности, растят детей. А затем один из них решает уйти, получает гражданский развод и обращается за разрешением на новый церковный брак. Но разве государственная запись сама по себе отвечает на вопрос, что стало с обещанием, данным перед Богом? Христос сказал: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

Бывает и так, что супруги формально оформили гражданский развод по житейским обстоятельствам, но продолжают жить вместе, вести хозяйство, воспитывать детей. Потом случается ссора, и один из них предъявляет документ о разводе как основание для нового церковного брака. Неужели достаточно одной бумаги? Кто выслушал обоих? Кто пытался примирить? Кто установил, что новый союз не станет наградой за сознательное оставление прежнего? Бытовое слово «развенчание» звучит так, будто церковный брак можно отменить простым распоряжением. Но особого Таинства «развенчания» нет. Апостол Павел пишет: «Жене не разводиться с мужем… и мужу не оставлять жены» (1 Кор. 7:10–11). Древняя церковная дисциплина относилась ко второбрачию как к снисхождению, а к третьему браку — с особенной строгостью. Правило 50

Василия Великого выражает эту строгость предельно резко. Почему же снисхождение должно превращаться в привычное разрешение?

Я обращаюсь здесь прежде всего к священникам и епископам, а не пишу наставление супругам. Если церковное благословение нового брака выдают без серьёзного рассмотрения обстоятельств, пастырь рискует стать участником разрушения семьи. Особенно страшно, если человек принимает такое разрешение как духовное оправдание собственной неверности. Следует различать того, кто оставил семью, и того, кого оставили; проверять обстоятельства, а не объявлять виновного по одному заявлению. Но главное — помнить, что церковная власть дана не для облегчения распада, а для врачевания и сохранения верности. Дети не должны становиться забытыми свидетелями решений взрослых.

Есть ещё одно испытание — деньги. Представьте мать, которая пришла крестить ребёнка. Ей называют сумму. Она говорит, что у неё сейчас нет денег. Ей отвечают: «Таков порядок». Но что это за порядок, если путь к Таинству закрывается перед бедным? Можно назвать обязательный платёж пожертвованием, однако от перемены названия он не станет добровольным. Когда Христос изгнал торговавших из храма, Он не сказал, что торговля допустима, если её правильно оформить.

Я понимаю, что храму нужны отопление, ремонт, свечи, содержание служителей, помощь нуждающимся. Апостол Павел говорит о праве служащих

благовествованию жить от благовествования (1 Кор. 9:13–14). Но из необходимости содержать храм не следует право продавать благодать. Я вижу иной путь: добровольное участие людей, открытый и понятный приходской бюджет, помощь бедному без унизительного объяснения, почему у него нет денег. Пусть человек знает, на что идут его пожертвования. Пусть приход прежде всего будет домом молитвы.

Однажды я надел белую футболку, на которой красными буквами было напечатано церковное правило против торговли в храме, и пришёл на литургию. Я никого не оскорблял и не призывал к бунту. Но несколько прихожанок встретили меня возмущением: кто я такой, чтобы выступать против священников? И тогда возник вопрос: кто дискредитирует Церковь — тот, кто напоминает о её правилах, или тот, кто превращает их нарушение в привычный порядок?

Христос изгнал из храма «продающих и покупающих» (Мф. 21:12). Блаженный Иероним Стридонский в толковании этого места говорит об ответственности обеих сторон торговли. Семьдесят шестое правило Трулльского Собора запрещает торговлю внутри священных оград и предусматривает церковное наказание за нарушение. Не каждое пожертвование — торговля, не всякая передача книги за пределами храма подпадает под этот запрет. Но если вещь отпускают только за установленную сумму, разве надпись «пожертвование» меняет существо сделки? И

почему само напоминание о каноне воспринимается как вражда к духовенству?

Одно дело — согрешить, осознать и пытаться оставить грех. Другое — наладить постоянную систему, при которой нарушение становится нормой, а обличение объявляют нарушением мира. Как покаяться в том, что уже перестали считать грехом?

И я вспоминаю первые христианские общины. Апостолы принимали принесённые средства, «и каждому давалось, в чём кто имел нужду» (Деян. 4:35). Когда вдовы оказались обделены при ежедневной раздаче, апостолы не велели им молчать, а устроили особое служение помощи (Деян. 6:1–6). Святитель Иоанн Златоуст рассуждал о попечении Церкви над вдовами; святитель Василий Великий не ограничивался словами о милосердии, но устраивал помощь больным и бедным. А что сегодня? Я не собираюсь заглядывать в церковные кошельки или распоряжаться чужими деньгами. Меня интересует не бухгалтерия, а любовь. Сколько вдов находится на постоянном попечении обычного городского собора? Скольким одиноким старикам приносят пищу и лекарства? Сколько сирот и бедных семей знают, что в приходе их не только выслушают, но и поддержат? Не разовой кампанией, не сбором денег с других людей, а постоянной заботой общины о своих братьях и сёстрах. Я знаю, что есть приходы и обители, где помогают. Но почему такая забота не стала естественным, повседневным лицом каждого прихода?

И когда человек приходит в храм не с пожертвованием, а с нуждой, как его встречают? Дадут ли ему место переночевать, помогут ли с дорогой, с болезнью, с одиночеством? Не потому, что он прежде что-то принёс, а потому, что он человек. Христос сказал: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13:35). Вот что мне хочется увидеть: не отчёт о поступлениях и расходах, а живую общину, в которой никто не остаётся один перед бедой.

Посмотрим на монастырскую трапезу. Трудники приходят помогать обители, работают руками, отдают силы и время. И я слышу о случаях, когда монахам готовят лучшую пищу, а трудникам — худшую, будто их труд и достоинство меньше. Почему? Разве тот, кто принял обет самоотречения, должен оставлять себе лучшее, а человеку, который пришёл помогать, отдавать худшее? Разве это братолюбие? Если у монастыря две кухни и одна предназначена для более сытой трапезы братии, а другая — для скудной пищи трудников, то что говорит такое устройство о любви? Я считаю подобную практику тяжёлым нравственным противоречием. Не утверждаю, будто знаю внутренний распорядок каждой обители, но не могу мириться с самим принципом: монах — первый к удобству, трудник — последний к заботе. Где же тогда исполнение заповеди о любви к ближнему?

Я видел и другую картину: в монастырском храме монахи пели перед посетителями вне богослужения, а

слушатели затем аплодировали. Само церковное пение не грех. Но почему храм становится похож на концертный зал? Где проходит граница между свидетельством о красоте молитвы и представлением для привлечения публики? И если монастырь начинает измерять успех числом посетителей, экскурсий и покупок, не заслоняет ли хозяйственная выгода его главное призвание?

А что делать, если духовная власть начинает защищать не человека, а саму себя? Если жалобу на священника воспринимают как нападение на Церковь? Если пострадавшему внушают, что молчание — его духовная обязанность? Здесь нельзя путать послушание Богу с безоговорочным подчинением чужой воле. Ни сан, ни авторитет не отменяют личной ответственности и необходимости церковного суда. За злоупотребление властью должен отвечать совершивший его, а не тот, кто осмелился поставить вопрос.

Я не хочу, чтобы любое обвинение считалось доказанным. Несправедливо уничтожить доброе имя человека слухом. Но столь же несправедливо отказывать в защите только потому, что обвиняемый носит рясу. Если речь идёт о насилии, преступлении, злоупотреблении властью, нужны безопасность пострадавшего, сохранение свидетельств, независимая проверка, возможность обвинённому ответить и решение компетентного суда. Гражданский закон и церковный суд имеют разные задачи; одно не должно прятать нарушение от другого.

Нужен и справедливый церковный суд. Ошибка священника, дисциплинарный проступок, преступление и отступление от вероучения — не одно и то же. Должно быть ясно, в чём человека обвиняют, какие есть доказательства, кто рассматривает дело и как можно обжаловать решение. Иначе власть становится личной волей сильного, а правда — тем, что ему сегодня удобно. Разве такому порядку учил Христос?

Есть вещи куда страшнее торговли и неравной трапезы. Мне довелось говорить с человеком, который прежде служил секретарём епископа. Он рассказал, что сам столкнулся с предложением интимной связи со стороны церковного начальника, а после отказа потерял место. Он также поведал о сексуальных злоупотреблениях в монашеской среде. Я передаю услышанное как его свидетельство, а не как результат завершённого расследования; имён и обстоятельств, по которым можно узнать людей, здесь не называю.

В одном из его рассказов речь шла о молодом человеке, пришедшем в монастырь с желанием служить Богу. По словам рассказчика, его одурманили наркотиками и подвергли групповому сексуальному насилию. Я не знаю, давал ли пострадавший официальные показания и что было установлено следствием. Но если такое произошло, перед нами не «монастырская слабость» и не частный грех, а тяжкое насилие над беспомощным человеком. Почему люди, оказавшиеся зависимыми от духовного начальства,

могут бояться говорить? Кто даст им защиту, кров и возможность выйти из этой зависимости?

Мне хочется верить, что свидетельства будут услышаны и каждый установленный случай получит независимое расследование. Ни ряса, ни монашеское имя, ни епископский сан не дают неприкосновенности. Христос предупреждал о страшной ответственности за соблазн малых сих (Мф. 18:6). Говорить о таких обвинениях необходимо точно, не превращая чужое свидетельство в приговор без разбирательства. Но и замалчивать их ради внешнего спокойствия нельзя.

Но есть вопрос ещё более глубокий: что именно пастырь говорит людям о Боге? Можно не брать денег, организовать прекрасный приход — и при этом заслонить саму истину словами о том, будто все религии ведут к одному Богу. Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Для меня это не красивое изречение, а основание всей жизни.

Святитель Игнатий Брянчанинов в письме 203, посвящённом невозможности спасения иноверцев и еретиков без Искупителя, отвергал надежду на спасение одной лишь человеческой добродетелью. «Церковь всегда признавала, что одно средство спасения: Искупитель!» — писал он. И я убеждён: истинный путь спасения — православная вера во Христа. Другие религиозные пути, отвергающие эту истину, ведут человека не к Богу, а к духовной погибели. Я вижу за ложным богопочитанием действие лукавого,

стремящегося отвратить человека от Творца. Человек может не сознавать этого и искренне думать, что служит Богу. Но искренность не превращает заблуждение в истину. Поэтому утверждение, будто все дороги одинаково ведут к спасению, для меня — опасный обман.

Преподобный Иоанн Дамаскин в сочинении «О ересях» подвергал учение исмаильтян резкому обличению. В византийской практике существовали формулы отречения от учения Мухаммеда при принятии христианства; в конце XII века вокруг формулировок возник спор при императоре Мануиле I Комнине. Слова и их смысл тогда считались вопросом верности исповеданию, а не дипломатической вежливости. Не стану подробно сравнивать религии: кому необходимо, тот может обратиться к Писанию и древним церковным источникам. Но пастырь обязан ясно говорить, Кого исповедует Церковь, и не выдавать духовно несовместимые пути за один.

Если священнослужитель публично говорит о равнозначности религиозных путей, его слова следует приводить точно, а не по слухам. Но и сан не защищает ошибочное утверждение от богословского возражения. Долг пастыря — хранить истину, а не подменять её удобным согласием. Осуждение ложного учения не даёт человеку права ненавидеть последователей иной веры: именно ради их спасения и должно звучать свидетельство о Христе.

Но здесь возникает другая опасность. Верующие, возмущённые публичным отступлением иерархов от православного исповедания, перестают ходить в храмы и призывают других не причащаться. Они ссылаются на пятнадцатое правило Двукратного Константинопольского Собора 861 года. Правило действительно допускает прекращение общения с предстоятелем, который открыто проповедует ересь, уже осуждённую Соборами или святыми отцами, ещё до соборного суда. Таких людей оно не называет раскольниками. Но где в этом правиле сказано, что во всех храмах, где поминают такого предстоятеля, исчезает Евхаристия? Где сказано, что все священники и все прихожане автоматически лишились благодати?

Нужно различать поминовение предстоятеля по установленному церковному чину, личное согласие с его учением и непосредственное евхаристическое общение с ним. Это не одно и то же. Священник может поминать ещё не осуждённого церковным судом патриарха, не разделяя его спорных догматических высказываний. А пятнадцатое правило, защищая ограждение от публичной ереси, не объявляет всякое такое поминовение доказательством принятия ереси и не устанавливает, что Таинства во всех поминающих храмах перестали совершаться. Нельзя превращать каноническое право оградиться от заблуждения в приговор всей церковной жизни.

Преподобный Максим Исповедник отказался от евхаристического общения с иерархами,

исповедовавшими монофелитство. В «Диспуте в Визии» он прямо говорил, что не вступит в общение, пока при святом возношении поминают лиц, уже подвергнутых анафеме. Святитель Марк Эфесский также отказался от общения с принявшими Флорентийскую унию. Но ни один из этих примеров не даёт основания объявить все православные храмы безблагодатными из-за поминовения предстоятеля, который ещё не был лично осуждён церковным судом. Они учат хранить веру, а не произносить от своего имени приговор над всеми Таинствами.

Я обращаюсь к ревнителям православия, которые убеждают людей оставить храмы: неужели вы не понимаете всей тяжести того, что говорите? Объявляя Тело и Кровь Христовы отсутствующими там, где продолжает совершаться православная литургия, вы берёте на себя страшную ответственность. Я вижу в таком безосновательном отрицании действия Святого Духа опасность тяжкого богохульства. Но окончательное суждение о том, является ли конкретное высказывание хулой на Духа Святого, принадлежит не моему гневу, а Богу. Ревность без рассуждения может лишить человека того, ради чего он пришёл в Церковь, — общения со Христом. Раскол — тяжёлый грех; не надо подталкивать к нему людей под видом защиты веры.

Я не призываю соглашаться с ересью. Если пастырь отступает от православного исповедания, верующий вправе поставить вопрос о прекращении общения с ним на основании древних канонов. Но я не призываю

покидать Православную Церковь и создавать новую. Церковь — наша мать. Если в её земном управлении обнаружилась тяжёлая болезнь, разве дети должны отвернуться от матери? Разве не тогда ей особенно нужны молитва, верность, забота и стремление к исцелению? Я верю, что исправление церковной жизни должно произойти внутри существующей Церкви: не бегство и не новая церковная организация, а покаяние, возвращение к Евангелию и восстановление верности древним канонам.

А теперь поставлю вопрос, от которого многим станет не по себе. Что произойдёт, если открыть древние каноны и применить их не только к мирянам, но прежде всего к тем, кто обязан их хранить? Если проверить отношение к Таинствам, торговле, епитимиям, повторным бракам, злоупотреблениям властью, церковному суду? Не окажется ли, что нарушения, за которые древние правила предусматривали тяжёлые наказания, стали столь привычны, что почти перестали тревожить совесть? Я ставлю вопрос об ответственности всей церковной иерархии, а не только отдельных служителей. Но наказание конкретного человека требует установления его собственного нарушения; нельзя объявить всех изверженными одним общим приговором.

Есть и ещё более трудный исторический вопрос. Тридцатое Апостольское правило предписывает извержение епископу, который прибег к мирским начальникам и через них получил власть над Церковью.

Третье правило VII Вселенского Собора отвергает поставление церковного начальника мирскими властями. А в советское время государственные органы надзирали за церковной жизнью и влияли на кандидатуры епископов. С 1943 года действовал Совет по делам Русской православной церкви, позднее — Совет по делам религий. Если избрание и поставление епископа зависело от согласования с властью, открыто враждебной вере, разве это не требует канонического ответа? Где кончалось вынужденное терпение государственного контроля и начиналось получение сана при помощи мирских начальников? Я считаю этот вопрос обращённым ко всей иерархии. Но государственное согласование само по себе ещё не доказывает, что каждый епископ лично добивался власти запрещённым способом, а тем более что его хиротония не совершилась.

Мне могут сказать: но были благодатные священники и старцы, через которых люди получали помощь, исцеление, утешение. Разве я отрицаю это? Нет. Но Божия помощь людям через служителя не является свидетельством его личной безгрешности и не отменяет его ответственности. Сам Христос предупреждает: «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“, войдет в Царство Небесное» (Мф. 7:21). И даже тем, кто напоминает о пророчествах и чудесах, Он говорит: «Отойдите от Меня, делающие беззаконие» (Мф. 7:23). Дар, принесший пользу другим, не даёт его носителю права пренебречь заповедями. Поэтому благодать в

церковной жизни и каноническая ответственность пастыря — не одно и то же.

В VIII веке, когда иконоборчество разделяло церковную жизнь, императрица Ирина содействовала созыву VII Вселенского Собора. Первое собрание в 786 году было сорвано вооружённым сопротивлением. После изменения военной обстановки Собор смог состояться в Никее в 787 году. Власть устранила препятствие; однако вопрос о вере и о принятии раскаявшихся епископов решал сам Собор. Некоторые прежде поддерживавшие иконоборчество предстали с покаянными заявлениями. Их не просто заменили людьми, удобными правителю. Здесь для меня важна сама последовательность: устранить насилие, дать Церкви возможность рассмотреть дело, отличить покаяние от упорства.

В этой истории нет разрешения государю назначать себе епископов по собственному желанию. Напротив, третье правило VII Вселенского Собора отвергает поставление церковных начальников мирскими властями. Ирина могла содействовать соборному решению, но не заменить его. Даже восстановление иконопочитания в 787 году не избавило последующие поколения от нового иконоборческого кризиса; окончательное Торжество Православия связано с событиями 843 года. Ни один указ не делает человека верным Христу автоматически.

И другие примеры говорят об этой сложности. Константин содействовал созыву Никейского Собора.

Юстиниан вмешивался в церковные споры. Константин IV содействовал Собору 680–681 годов. Русская история помнит Стоглав, спор святителя Филиппа с Иваном Грозным, суд над патриархом Никоном и синодальное устройство при Петре I. Но всё это разные события. Нельзя собрать их в одно оправдание любой государственной власти над Церковью. Святитель Филипп напоминает нам: иногда пастырь обязан возразить самому правителю.

Я говорил в первой книге о возможности православного правителя, который содействует исправлению общественного порядка. Здесь вижу предел его роли. Он может помогать остановить насилие, обеспечить защиту людей, сохранить доказательства, создать условия для свободного церковного рассмотрения. Но не может по своему усмотрению отменить апостольское преемство, заменить Собор и объявить свою волю волей Божией. Если зло прикрыто властью, исправление не должно совершаться тем же способом.

А как быть простому человеку, который видит всё это? Я вспоминаю образ прачечной. Человек приносит грязную одежду и замечает, что работник сам в запятнанной рубахе. Он вправе возмутиться. Вправе потребовать, чтобы работник исполнял своё дело честно. Но если он унесёт свою грязную одежду домой и решит никогда её не стирать, станет ли она чище? Так и грех служителя может оттолкнуть человека от храма, и эту боль нельзя обесценивать. Но грех служителя не

отменяет Христа. И, разумеется, этот образ нельзя использовать, чтобы заставить пострадавшего возвращаться к опасному человеку или молчать о причинённом вреде.

Я не пишу эти строки из желания обвинить всех священников. Я знаю, что есть пастыри, которые служат без расчёта, утешают больных, кормят голодных, принимают человека без денег и без знакомств. Их жизнь — свидетельство того, какой должна быть Церковь в глазах людей. Именно ради таких служителей и ради тех, кто ищет Христа, нельзя соглашаться с подменой духовной жизни внешним благополучием учреждения.

Отцы и архипастыри, мы ждём от вас не подтверждения наших страстей. Мы ждём помощи в борьбе с ними. Не убаюкивайте нас там, где нужно пробудить совесть. Не превращайте власть вязать и разрешать в личную власть над человеком. Не позволяйте цене, страху, удобству, славе или дипломатическим словам заслонять Христа. А мы, миряне, должны перестать требовать от пастыря, чтобы он одобрял всё, что нам приятно. Если мы сами не хотим покаяться, никакая церковная реформа не спасёт нас от собственного выбора.

Вот по чему я предложил бы судить об исправлении церковной жизни: может ли бедный прийти к Таинству без обязательной платы? Получает ли пострадавший защиту? Можно ли сообщить о злоупотреблении, не опасаясь мести? Помогает ли исповедь бороться с

грехом? Не подменяется ли Евангелие человеческим удобством? Если изменились только лица, а страх и равнодушие остались, произошло не преображение, а перестановка людей.

А теперь я обращаюсь к тебе, читатель. Разве я открываю тебе неизвестный мир? Ты сам видишь, как мы живём, как молимся, как относимся к слабому, как легко оправдываем привычное. И я спрашиваю: где мне увидеть человека, который действительно любит Господа? Не только называет себя православным, не только приходит на службы, но дорожит каждым словом Христа и боится сознательно нарушить Его заповедь. Покажи мне его.

Я не ищу безгрешного человека. Один падает, кается и поднимается. Другой устраивает жизнь так, чтобы не пришлось каяться, и объявляет нарушение законным. Вот что страшно: не сама человеческая немощь, а превращение греха в порядок. «Если любите Меня, соблюдите Мои заповеди» (Ин. 14:15). Где же они — любящие Его?

Но я верю: они есть. Пророк Илия думал, что остался один. Господь открыл ему, что среди Израиля сохранились семь тысяч не преклонивших колен перед Ваалом (3 Цар. 19:18). Так и сегодня я верю, что среди нас есть незаметные люди, которые молятся, трудятся, помогают ближним, хранят верность Христу и плачут о духовном состоянии своего народа. Они есть в России, Белоруссии, на Украине. Возможно, их имён мы никогда не узнаем.

Я верю, что таких людей станет больше. Что они перестанут быть незаметным меньшинством, что любовь к Богу и ближнему изменит жизнь наших народов. Я читаю Евангелие, пророков и апостолов и верю Божию обетованию воскресения и победы жизни над смертью. Это не расчёт и не статистический прогноз. Это моя надежда на Господа, Который не обманывает.

Но Божие долготерпение не означает, что зло забыто. Кто использовал чужую веру ради собственной выгоды, кто соблазнял, принуждал, скрывал насилие, кто вместо врачевания души разрушал её, — каждому предстоит ответ перед Богом. Пока жив человек, ему открыт путь покаяния. Но никто не вправе выдавать безнаказанность за Божие благословение.

И потому я заканчиваю эту главу не отчаянием. Я верю, что есть люди, не преклонившие колени перед ложью. И верю, что их станет больше. А каждому из нас, прежде чем искать их среди других, предстоит ответить на вопрос: люблю ли я Христа настолько, чтобы жить по Его заповедям?

Глава 9. Кем ты мог стать

После всего сказанного мне хочется задать вопрос, от которого невозможно укрыться за чужими грехами.

Мы увидели, как человек обжился в мире изгнания. Как научился оправдывать свои страсти. Как общество вознаграждает ложь и называет её житейской мудростью. Как даже там, где должны звучать слова Христа, человеческое удобство, деньги, власть и страх могут заслонять Бога.

Казалось бы, Церковь должна быть местом, где человек встречает святость. И она действительно хранит Евангелие, Таинства и память святых. Но что происходит, когда человек приходит туда не для того, чтобы измениться, а чтобы получить подтверждение, что меняться не нужно? Когда пастырь ищет власти над людьми, а не служения им? Когда мы требуем благословить то, что уже решили сделать вопреки совести?

Нельзя оправдаться тем, что «так делают все». Нельзя спрятаться за чужой сан, за обычай, за привычный порядок. Вопрос теперь не о том, кто виноват вокруг нас.

Вопрос обо мне. И о тебе.

Чьим духом ты живёшь?

Попробуй ответить не словами, а собственной жизнью.

Ты знаешь, что нельзя ненавидеть, — и годами кормишь ненависть. Знаешь, что нельзя предавать, — и ищешь удобное объяснение предательству. Знаешь, что

нельзя лгать, — и называешь ложь необходимостью. Знаешь, что гордость губит душу, — и наслаждаешься тем, что другой унижен. Знаешь, что Христос велел прощать, — и мысленно снова и снова расправляешься с обидчиком.

Так чью волю ты исполняешь?

Неужели достаточно сказать: «Я хороший человек»? Хороший — по чьей мерке? По мерке общества, которое научилось давать порокам приличные названия? Или по заповедям Того, Кто создал тебя для вечности?

Я говорю прямо: когда человек сознательно выбирает ненависть вместо любви, ложь вместо правды, гордость вместо смирения, он слушает не Бога. Он соглашается с тем, чему учит лукавый. И чем дольше он живёт таким согласием, тем глубже чужая Богу воля становится его собственной привычкой. Я называю это жизнью по духу бесовскому.

Страшно не то, что человек однажды услышал злой помысел. Страшно, когда он открыл ему дверь, поселил его в сердце, привык к нему — и перестал замечать, кто теперь распоряжается его поступками.

Представь, что ты однажды увидел бы всё, чему добровольно служил. Не красивую вывеску собственных намерений, не слова, которыми оправдывал себя перед людьми, а подлинное содержание своего сердца. Кому ты отдавал лучшие годы? Кого слушался? Что любил? Что защищал, когда Божия заповедь мешала твоему желанию?

Неужели ты не ужаснулся бы?

Мы привыкли бояться бесов как существ из страшных рассказов. Но почему нас гораздо меньше пугает собственное согласие с их волей? Человек может никогда не видеть злого духа и всё же день за днём выбирать то, что удаляет его от Бога. Может произносить молитвы — и одновременно беречь в себе ненависть. Может стоять перед иконой — и не желать отказаться от сознательного греха.

Не крест на груди делает ложь правдой. Не присутствие на службе превращает жестокость в любовь. Не сан отменяет заповедь. Если человек отвернулся от Христа сердцем, разве спасёт его одна внешняя принадлежность?

Но здесь я не могу сказать, будто человек навсегда отдан тьме. Иначе для чего Господь оставил нам время?

Даже среди страстей совесть вдруг не даёт покоя. Человек уже приготовил злое слово — и останавливается. Хотел пройти мимо чужой беды — и неожиданно возвращается помочь. Годами оправдывал себя — и впервые признаёт: «Я виноват». Иногда это происходит после трагедии. Иногда — в тишине обычного дня, когда ничто внешне не изменилось.

Я вижу в этом Божие милосердие. Господь не перестаёт звать человека, который отворачивается от Него. Добрый помысел, обличение совести, встреча, слово Евангелия могут стать началом возвращения. Но зов ещё не означает, что человек ответил. Он может снова отвернуться, снова выбрать страсть, снова отложить покаяние.

И так проходят годы.

Человек думает, будто главное испытание его жизни — заработать, устроиться, не проиграть другим, обеспечить себе спокойную старость. Но всё это закончится. Однажды перестанут иметь значение его должность, деньги, внешность, чужое восхищение. Не останется возможности отложить выбор на завтра.

И тогда откроется вопрос, который мы почти не задавали себе при жизни: кем я стал?

Но теперь вспомни, кем ты мог стать.

Не просто порядочным человеком. Не просто человеком, который сумел подавить дурные желания. Бог призвал тебя к несравненно большему — к соединению с Собой, к обожению по благодати.

Вдумайся в эти слова. Богом по благодати.

Не другим богом рядом с Творцом. Не Богом по природе, не существом, которое приобрело собственное всемогущество. Человек остаётся человеком, но по дару Божию может действительно приобщиться Божественной жизни. Не издалека любоваться светом, а жить в свете, который даёт Господь. Не только знать о Боге, но пребывать с Ним.

Если тебе кажется, что это всего лишь красивые слова богословов, открой жития святых.

В житии преподобной Марии Египетской перед нами женщина, чья прежняя жизнь была подчинена страсти. Но она не осталась той, кем была. Её покаяние стало началом иной жизни. Предание рассказывает о её молитве, о долгих годах подвига в пустыне и о том, как

старец Зосима увидел её переходящей Иордан по воде. Главное здесь не необыкновенное событие. Главное — какая перемена совершилась в человеке, который прежде не хотел и не умел владеть собой.

В беседе преподобного Серафима Саровского с Николаем Мотовиловым сохранилось свидетельство о свете и радости, пережитых во время разговора о стяжании Святого Духа. Это не лабораторное доказательство невидимого мира и не обещание, что каждый святой будет сиять перед свидетелями. Это свидетельство церковного предания о том, что благодать — не отвлечённая идея, а жизнь, способная преобразить человека.

Вспомни и тех святых, которые не оставили после себя рассказов о чудесах. Тех, кто годами терпел болезнь без озлобления, кормил голодных, прощал врагов, не отвечал ненавистью на ненависть. Разве это малое чудо — когда человек, способный мстить, действительно любит своего врага? Когда его воля уже не ищет себе господства, а свободно служит Богу?

Чудеса не делают человека святым сами по себе. Но жития показывают, насколько глубоко может измениться человеческая жизнь. То, что мы привыкли считать невозможным для себя, не было невозможным для людей, которые отдали себя Христу.

И вот теперь сравни.

Человеку открыта возможность приобщиться Божественной жизни. А он торгуется из-за мелкой выгоды. Ему дана свобода отвергнуть зло. А он бережёт

обиду как сокровище. Ему предназначено сияние благодати. А он посвящает жизнь тому, чтобы нравиться чужим глазам. Он мог стать богом по благодати — и согласился быть рабом страсти.

Разве не это самый страшный обмен?

Мы испугались бы, если бы кто-нибудь предложил нам продать жизнь собственного ребёнка за горсть монет. Но почему так спокойно разменяваем собственную вечность на мгновения удовольствия, на тщеславие, на власть над ближним, на право не прощать?

Человек может прожить внешне счастливую жизнь, так ни разу и не задав себе этого вопроса. У него будет дом, работа, семья, достаток. Он может не пережить большой трагедии. Может умереть с убеждением, что всё было устроено правильно. Но благополучие не отвечает на вопрос о том, кому принадлежало его сердце.

Вот в чём великий обман: мы приняли временное за главное, изгнание — за дом, рабство страстям — за свободу. И забыли не только о рае. Мы забыли, кем Бог призвал нас стать.

И всё же, пока ты читаешь эти строки, твоя жизнь ещё продолжается.

Ты можешь возразить мне. Можешь закрыть книгу. Можешь завтра проснуться и снова жить, как вчера. Никто не заставит тебя выбрать Бога. Даже самый страшный вопрос не может заменить свободного ответа души.

Но теперь ты услышал этот вопрос.

Не спрашивай прежде всего, сколько грешников вокруг и почему не исправились другие. Не жди, пока болезнь, смерть или потеря разрушат твой привычный мир. Посмотри на собственную жизнь сегодня. На помысел, который ты кормишь. На человека, которого не желаешь простить. На неправду, которую называешь необходимой. На заповедь, которую знаешь и сознательно обходишь.

И реши, кому ты хочешь принадлежать.

Я верю, что человек призван не всю вечность метаться между двумя господами. Его душа способна отвернуться от лукавого и свободно обратиться к Святому Духу, чтобы Божия благодать преобразила всё его существо. Это не происходит по одному красивому обещанию. Это начинается с настоящего покаяния и продолжается жизнью, в которой человек уже не желает оправдывать зло.

Перед нами не две равноценные дороги. Одна ведёт к дальнейшему рабству тому, что разрушает человека. Другая — ко Христу, к жизни, ради которой он был сотворён.

Ты можешь потерять многое из того, что собрал на земле. Но страшнее всего — потерять собственное предназначение и даже не заметить этой потери.

Поэтому я заканчиваю не утешением, что всё как-нибудь обойдётся. И не приговором человеку, который ещё может покаяться.

Я заканчиваю вопросом, на который каждый отвечает собственной жизнью.

Ты создан для соединения с Богом. Тебе открыта возможность стать богом по благодати.

Так кому же ты отдаёшь свою душу — и на что меняешь вечность?